

ВАДИМ ПАНОВ

АРКАДА

maNika МИР, ГДЕ ВИРУС ИЗМЕНИЛ ВСЕ

Вадим Юрьевич Панов
Аркада. Эпизод третий. maNika
Серия «Аркада», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61086783

*В. Ю. Панов. Аркада. Эпизод третий. maNika: ООО «Издательство
«Эксмо»; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110923-3*

Аннотация

Мир постоянно меняется. То, что недавно казалось фантазией, завтра станет реальностью, а послезавтра – обыденностью. Так люди, которые еще десять лет назад стали бы инвалидами, получают управляемые нейрочипами импланты и протезы, делающие их возможности куда шире, чем до операции. Затем уже обычные и здоровые люди хотят себя улучшить, и эта мания, оставшись без контроля, способна перейти все границы. Может ли быть здоровым общество, где разрыв в физических возможностях людей становится все больше? А если добавить к этому страшную эпидемию болезни, способной прервать вашу жизнь всего за пару дней? «maNika» – третья арка возможного 2029 года от мастера прозы завтрашнего дня Вадима Панова.

Содержание

Data set primus. Status latens[1]	10
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Вадим Панов

Аркада. Эпизод третий. maNika

© Панов В. Ю., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Аркада (*фр.* arcade) – ряд одинаковых по форме и размеру арок.

Аркада (*англ.* arcade game) – жанр компьютерных игр, характеризующийся коротким, но интенсивным игровым процессом.

Аркада (*таг.* arcade) – проект исследования будущего Вадима Панова: не связанные между собой романы, описывающие варианты развития человечества к 2029 году н. э.

Все персонажи книги вымышленные, любые совпадения с реально живущими или жившими людьми, а также с любыми событиями, имевшими место в действительности, случайны.

***Верхний Ист-Сайд
Манхэттен***

Нью-Йорк, США

– Помнишь тот день, когда я ездила за оборудованием для биохакинга?

– Ты вернулась грустной, – тихо отозвалась Карифа, – и сказала, что устала.

– Я тебя обманула, – призналась Эрна.

– Я видела, что ты чем-то расстроена, но решила не лезть тебе в душу.

Карифа хотела добавить: «Я знала, что однажды ты обо всем расскажешь», но промолчала, побоявшись испортить момент.

– А я не захотела мучить тебя, потому что, когда я... – Эрна сбилась, нежно провела рукой по щеке мулатки, и по дрожанию ее пальцев Карифа догадалась, что даже сейчас, через несколько дней после тех событий, воспоминания терзают девушке душу. – Когда я возвращалась домой... Я захотела прогуляться, отпустила такси, купила мороженое... Ты ведь помнишь, в тот день был объявлен «зеленый» уровень угрозы, и я шла по улице без маски. Я купила мороженое и просто гуляла, любуясь домами, разглядывая прохожих, наслаждаясь теплым днем, и неожиданно увидела... – Ее голос вновь дрогнул: – Увидела...

Пик пандемии давно прошел, однако некроз Помпео никуда не делся, спустился с высочайших показаний на среднее плато заражений, но продолжил калечить людей по всей планете. И даже убивать – если не удавалось вовремя оказать

помощь. А самое ужасное заключалось в том, что очаг некроза мог возникнуть в любое мгновение. Без предупреждения. Без симптомов. Инкубационный период протекал незаметно, а когда заканчивался, некроз стремительно переходил в активную стадию, и человек начинал кричать от невозможной, сводящей с ума боли, разрывающей какую-то из его костей.

– В нескольких шагах передо мной шел мужчина... скорее даже парень, лет двадцати пяти, не больше, и очень крепкий, спортивный. Он говорил по коммуникатору, но в какой-то момент увидел мое отражение в витрине, резко обернулся, и наши взгляды встретились. Я поняла, что понравилась ему. – Эрна грустно улыбнулась. Она знала, что нравится – и мужчинам, и женщинам, и представителям остальных сексуальных статусов – в ее присутствии мало кто оставался спокоен. Эрна нравилась настолько, что некоторые даже пытались завести разговор прямо на улице, невзирая на риск быть обвиненными в домогательствах и получить по федеральному закону «Fairness MeToo» либо гигантских размеров штраф, либо тюремный срок. Эрна получала удовольствие от того, что нравится окружающим, и ни разу ни на кого не донесла. Однако нынешняя история получилась безрадостной. – Думаю, разговор был для него очень важен, но увидев меня, парень потерял голову... Сначала – в переносном смысле... – На карих глазах Эрны выступили слезы. В комнате царил полумрак, но Карифа увидела их – блеснули в свете

уличного фонаря – и прикоснулась к руке девушки, словно пытаясь передать ей капельку своей силы. – Парень сказал собеседнику: «Я перезвоню» – в это мгновение я подумала, что он говорил со своей девушкой, – спрятал коммуникатор в карман, сделал шаг ко мне, улыбнулся... У него была очень красивая улыбка, я ее запомнила... она мне понравилась... Но потом... – Карифе показалось, что Эрна вновь собьется, но девушка справилась с подкатившим к горлу комом и после малюсенькой паузы продолжила: – Я успела улыбнуться ему в ответ. Представляешь? Я успела улыбнуться. У меня было прекрасное настроение, и я была не прочь поболтать и даже пофлиртовать. Если бы он предложил посидеть в кафе – я бы согласилась. Потому что у меня было прекрасное настроение и полно свободного времени. Я улыбнулась ему, Карифа, а парень схватился за голову, завизжал... Очень высоким голосом, я не ожидала, что мужчины могут так кричать. – Эрна судорожно потерла лоб. – Он завизжал, упал на тротуар и принялся кататься по асфальту, а его голова... Его голова... Карифа, ты когда-нибудь видела, как формируется очаг некроза Помпео? – и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Сначала кожа становится алой, очень яркой, неестественно яркой, как будто человека облили краской... или... или человек горит и пылающий внутри огонь раскаляет кожу до нестерпимо алого. Но температуры нет, только жуткая, способная свести с ума боль. – Эрна помолчала. – В это мгновение все кричат.

– Я знаю, – едва слышно подтвердила Карифа.

Потому что не осталось на Земле человека, который бы не видел появление очага Помпео. Но прерывать подругу мулатка не стала, понимала, что Эрне нужно высказаться.

– А потом все, что было алым, внезапно чернеет и больше цвет не меняет, остается черным... Черным, как сердце людоеда. Это и есть очаг Помпео.

– Парня ударило в голову? – спросила Карифа.

– Лоб и лицевые кости, – медленно уточнила Эрна. – Его лицо стало черным-черным... черное лицо под белыми пальцами, которыми парень его закрывал. Он продолжал кричать, но уже не от боли, я знаю, мне рассказывали, когда очаг становится черным, приходит совсем другая боль – человек понимает, что с ним произошло. Понимает, что его жизнь только что необратимо изменилась, и начинает кричать от ужаса. От того, что стал другим. И это понимание быстро сменяется паникой. Человек начинает звать на помощь.

Эрна подошла к окну, остановилась, прикоснувшись пальцами к подоконнику, и стоя так – спиной к Карифе, продолжила. Не для нее, для себя:

– Он поднялся на ноги и стал звать на помощь. К счастью, парень потерял ориентацию и обратился не ко мне, а в противоположную сторону. К прохожим, которые так же, как и я, замерли в ужасе. Парень кричал, плакал, протягивал руки, а они... Они расступались. И натягивали маски. И я натягивала. И думала только о том, что воздух вокруг пропи-

тан вирусом... Я бросила мороженое и натянула маску. И все это время парень топтался и звал на помощь. Он был совсем один. Он звал на помощь, а мы ничего не могли сделать, и когда он это понял, то сел на землю и заплакал. Молодой, высокий, спортивный парень, который хотел со мной познакомиться... Он так и не открыл лицо, продолжал закрывать его ладонями... – Эрна провела пальцем по стеклу. – Мне стыдно признаться, но «скорую» вызвала не я. Я не сообразила.

– Ничего удивительного, – эхом произнесла Карифа. – В такой ситуации трудно не растеряться.

– Я долго жила в Европе, – напомнила Эрна, продолжая водить пальцем по оконному стеклу. – Я видела много людей с открывшимся очагом. На моих глазах умирали от некроза Помпео и... и по другим причинам. Я думала, меня уже невозможно задеть, но этот парень... Он мне улыбнулся, понимаешь? Я была последней, кто видел его лицо, его очень красивую улыбку... Я была последней.

Эрна тихо вздохнула.

– Ты много видела, но так и не привыкла к смерти, – грустно улыбнулась мулатка.

А Эрна обернулась, посмотрела на подругу и очень серьезно спросила:

– Разве к смерти можно привыкнуть?

Data set primus. Status latens¹

– Вы никогда не жили в идеальном мире, орки мои, и не особенно к нему стремились. Вы предпочитаете рвать наши единый, общий мир на миллиарды маленьких и, как вам кажется, «идеальных», и каждый из вас старается откусить от гигантского полотна столько, сколько в состоянии откусить, не задумываясь ни над тем, сможет ли он столько проглотить, ни над тем, что каждый из вас – всего лишь часть общего, грандиозного, целого... Вы рвете ткань бытия, чтобы слепить из нее уютную норку и спрятаться в нее, подобно суслику, оставляя огромное поле тому, кому оно действительно нужно, и постепенно перестаете видеть что-либо дальше стенок своей маленькой норки. И я хочу спросить, орки: что для вас идеальный мир? Комфортабельный дом там, где ваша душа отдыхает: у моря или в горах? Возможность не думать о деньгах? Возможность кичиться своими деньгами, наслаждаясь демонстрацией богатства? Всегда оставаться сильным и здоровым? Услышав сочетание «идеальный мир», каждый из вас начинает думать о себе, о том, чего не хватает, о том, чего бы хотел добиться. Я не считаю, что это плохо, орки, в желании сделать свою жизнь лучше нет ничего противоестествен-

¹ Инкубационный период.

ного. Я рассказываю, почему вы никогда не жили в идеальном мире.

Этот человек не был блогером, не зарабатывал на выкладываемых роликах и редко выходил в сеть, но его выступлений ждали с таким интересом, который не снился топовым персонажам сети. Одни пытались расшифровать тайный смысл посланий Орка. Другие искали в них Откровение. Но большинство просто слушало человека, о котором ходило бесчисленное множество легенд. Люди слушали и примеряли его слова на себя. И многие не смотрели на монитор, потому что Орк всегда прятался в сумраке, говорил, сидя в полутемной студии, и несмотря на приложенные спецслужбами усилия, несмотря на то что каждая запись была разложена на байты и прошла через все существующие системы восстановления изображения, в том числе основанные на применении искусственного интеллекта, несмотря на это, никому так и не удалось восстановить лицо Орка.

Он этого не хотел.

– Но что есть идеал, орки? Если отвлечься от ваших личных запросов, если предположить, что каждый получил свою комфортабельную норку и успокоился, – каким вы хотите видеть окружающий мир? Что бы вы в нем изменили? Хотите ли вы что-нибудь менять? Что именно? Остановить все идущие войны? Накормить всех страждущих? Обеспечить безусловным базовым доходом всех жителей Земли, позволив не думать о добыче хлеба насущного?

Но что дальше, орки? Как вы будете жить в новом мире? Кто начал войны? Кому сейчас не плевать на неравенство? Кто из вас станет отнимать у слабаков их безусловный базовый доход? – Орк щелкнул зажигалкой, раскуривая самкрутку, но режиссер трансляции вовремя сменил картинку, показав язычок огня, вцепившийся в сигарету, и не позволив зрителям увидеть на мгновение осветившееся лицо. – Вы знаете, что так будет, орки, вы никогда не жили в идеальном мире, потому что идеал противоречит вашей природе: потребует либо много усилий, либо измениться самому. Ни то ни другое не в ваших правилах, но главное заключается в том, что идеал уничтожит вашу основную мотивацию: ведь тот, у кого все есть, никуда не стремится. А я хочу стремиться, орки, хочу увидеть, как этот гребаный мир станет другим...

Никто не знал, кто такой Орк. Говорили, что он остановил войну в Европе. Говорили, что он развязал войну в Европе. Говорили, что он взял под контроль глобальный оборот наркотиков, и еще говорили, что не отпускает торговцев наркотиками живыми, топит их суда и сбивает самолеты. Все знали, что Орк наводнил мировой рынок дешевыми многократными «гильзами», за что его возненавидели власти, изрядно потерявшие на пошлинах. Но при этом Орк до сих пор не был арестован или убит и продолжал выходить в сеть с обращениями, которые многие называли размышлениями.

– Я искренне верил, что новые технологии придадут миру импульс невиданной силы и цивилизация помчится не просто вперед, но в будущее. Мир изменился, но то, что я вижу вокруг, мне не нравится. Я верил, что невероятные перспективы заставят позабыть привычную мерзость, но оказался слишком романтичным. Вы не поняли, что однажды утром проснулись в совершенно другом обществе, в цивилизации следующего исторического порядка. Никто из вас не понял. Вы решили, что новые технологии – это инструмент для удовлетворения старых амбиций, но это не так. Новые технологии изменили не только мир, но и будущее, и требуют иных устремлений. Вы этого не поняли, но я помогу вам осознать новую реальность. Всем вам. Потому что я не собираюсь отказываться от мечты.

Из выступлений Бенджамина «Орка» Орсона

* * *

Чайна-таун

Манхэттен, Нью-Йорк

США

– В сегодняшнем докладе **ВНО**² официально подтверждена отмеченная еще месяц назад динамика снижения числа заболевших некрозом Помпео, что позволит с некой до-

² ВНО – Всемирная организация здравоохранения.

лей уверенности говорить о том, что пандемия заканчивается...

– Ага, заканчивается, как же! – нахраписто перебил диктора Бентли. – Просто здоровых становится меньше, вот и снижается число заболевших. А процент остается прежним.

– Вы уверены? – вежливо осведомился Хаожень. Несмотря на то что его лицо защищал облегченный респиратор – таковы были требования Департамента здравоохранения, – голос китайца звучал четко: новые модели были не только надежны, но и удобны.

– У меня есть друзья в полиции, они врать не станут, – самодовольно ответил Бентли. – Говорят, дерьма меньше не стало, некроз как лупил, так и лупит. И смертей полно: кто-то сознание от боли теряет и больше не очухивается, кого-то в походе накрывает, откуда до врачей не добраться... А все эти гребаные «тенденции» придумывают, чтобы нас успокоить, мол, вакцина работает, скоро Помпео уйдет.

– А он не уходит?

– Нет.

– Что же делать? – растерялся китаец.

– Жить... – ответил Бентли и замолчал, уставившись в коммуникатор.

Выпуск новостей закончился, и сейчас на большом настенном мониторе царило бескрайнее небо. Нежно-голубое, с большими пушистыми облаками, оно притягивало взгляд, манило, нашептывая: «Ты можешь!» И картинка с камеры,

плавной скользящей по великому простору, подтверждала: «Ты можешь!» Камера была установлена на шлеме пилота пингер-дрона, и когда картинка поменялась и в кадре появился он – летящий по бескрайнему небу, зазвучал проникновенный голос диктора:

– Наступит день – и чтобы посмотреть на небо, вам потребуется опустить взгляд вниз... Пингер-дрон «Double Wright» – ваш проводник в бесконечность.

На мониторе появился улыбающийся пилот, за спиной которого бесшумно работали двигатели управляемого через maNika дрона. Пилот лихо заложил «бочку», и Бентли отвернулся.

– Поправь мне маску.

– Конечно, – Хаожень выполнил просьбу, больше похожую на приказ, и вернулся к монитору робохирурга, прищурившись на появившееся сообщение. И зачем-то спросил:

– Тоже повелись на рекламу?

Однако понимания вопрос не вызвал.

– Что не так? – хмуро спросил Бентли. Он лежал на животе, его тело находилось внутри прямоугольного робохирурга, тончайшие инструменты которого уже вгрызлись в органы Бентли, как естественные, так и приобретенные, но сам он оставался в полном сознании. И не изменял мерзкому характеру. – Почему спросил?

– Просто поинтересовался, – пожал плечами китаец. – Пошутить хотел.

Бентли был самым известным сутенером FN23, контролировал весь Южный Бруклин, отличался вспыльчивым нравом, и держаться с ним следовало осторожно. Даже китайцу из Чайна-тауна.

– Извините.

– Пошутить... – Бентли медленно покрутил бритой башкой. Могло показаться, что он разминает шею, но в действительности вращение головой осталось единственным доступным ему жестом, поскольку находящееся внутри робохирурга тело было надежно закреплено. Он помолчал и неожиданно признался:

– Да.

Чем изрядно удивил Хаоженья, ожидавшего от несдержанного сутенера очередного потока ругательств.

– Что?

– Неужели ты никогда не хотел летать?

Вопрос привел китайца в полное замешательство.

– Я... – Ли поразмыслил. – Я еще не пингер³, мистер Бентли.

– Я спрашивал о желании летать, а не о способе. Неужели не мечтал?

– Мечтал, – выдавил Хаожень, мысленно признаваясь, что сутенер его уделал.

– Почему?

³ Пингер (от англ. ping – жужжать) – сленговое название людей, использующих импланты и протезы.

– Потому что в полете чувствуешь себя свободным! – выпалил китаец. А потом смутился и добавил: – Наверное.

Потому что все его знания о полетах были почерпнуты исключительно из снов. Но даже в снах случается познать истину.

– Лучше не скажешь, – очень тихо ответил Бентли. – Вот я и решил испытать это чувство.

– Полета?

Сутенер повернул голову к Ли, помолчал и тяжело ответил:

– Ты знаешь какое.

Хаожень кивнул, вытер пот и вернулся к делам:

– Обследование завершено, мистер Бентли, показатели прочности в норме и позволяют установить дрон-разъемы без дополнительного усиления скелета...

– Естественно, – подал голос Бентли. – Я на костяк бабла не пожалел.

Под этими словами Ли мог подписаться, поскольку сутенер обращался к нему не первый раз, и китаец хорошо изучил состояние клиента.

Некроз Помпео сжег таз Бентли, ударил в один из самых опасных узлов, но сутенер выкарабкался: два месяца провалялся в госпитале, поменял по государственной страховке таз, за свой счет – ноги, усилил руки и позвоночник, потратив на дополнительные операции небольшое состояние, и вернулся на улицы полноценным пингером. Несколько раз

обращался к Ли за новыми maNika и мелкими пингами⁴, а теперь решил установить разъемы для пингер-дрона.

Бентли хотел летать.

– Робохирург предлагает использовать классическую схему с тремя несущими точками, – Ли поставил тележку с монитором напротив сутенера и указал на нужные места карандашом. – Нижняя фиксируется на позвоночник, для чего наденем на него крепежное кольцо, верхние точки войдут в пластину, которую мы установим в районе четвертой пары...

– Ребра менять будешь? – оборвал китайца сутенер.

– Бессмысленно без замены позвоночника, – тут же ответил Хаожень. – А диагностика показала, что с нагрузкой ваш позвоночный столб справится. Вы его отлично усилили.

– Сколько времени займет операция?

– Около четырех часов.

– Нужные пинги у тебя есть?

– Да, конечно, я подготовился...

– Тогда приступай.

– Хорошо, – китаец помялся. – Мистер Бентли, вы ведь помните, что для полетов на пингер-дроне в городской черте нужна лицензия?

– Твое какое дело? – окрысился сутенер.

– Просто спросил.

⁴ Пинг – сленговое название любых имплантатов и протезов, управляемых нейрочипом. Произошло от широко распространившейся шутки о том, что протезы суставов громко жужжат при работе.

– Хочешь сообщить копам об операции?

– Я не обязан, мистер Бентли.

– Вот и молодец, Ли, делай свое дело и не забывай, за что тебя ценят.

За умение молчать, глубокие знания и «чистую» медицинскую лицензию, позволившую приобрести робохирурга и проводить пинг-операции любого уровня сложности. Ли Хаожень числился в реестре Департамента здравоохранения, платил налоги, вовремя сдавал квалификационные экзамены и не имел проблем с полицией. Однако основными его клиентами были уголовники, высоко ценившие мастерство китайца.

– Начинай операцию!

– Но есть и плохие новости, – выдохнул Хаожень, внимательно прислушиваясь к шуму в приемной.

– Какие? – насторожился сутенер.

– Один человек, имя которого вам ни о чем не скажет, настоятельно попросил о встрече с вами, мистер Бентли, – рассказал китаец. – В настоящее время он ведет переговоры с вашими телохранителями.

– Они его не пускают? – не понял сутенер.

– Он их убивает, – кротко объяснил Хаожень и вежливо добавил: – Извините.

– Кому ты меня сдал?! – взревел беспомощный Бентли, однако вопль не произвел на Ли ни малейшего впечатления.

– На прощание хочу сказать: мне очень жаль, что вы не

сможете исполнить свою мечту, мистер Бентли, – произнес Хаожень, отодвигая тележку с монитором от лица сутенера. – Честное слово.

– Какую мечту? – громко спросил вошедший в операционную мужчина – широкоплечий крепыш с округлым добродушным лицом. В его руке можно было легко представить дымящийся пистолет, но именно представить: будучи человеком воспитанным, Джехути Винчи явился в операционную без оружия, лишь над его головой вились черные, едва различимые точки размером с пулю сорок пятого калибра каждая. Это были «москиты», стая микродронов-камикадзе, выбирающих для атаки наиболее уязвимые и незащищенные места противника и взрывающиеся при ударе. «Москиты» управлялись самообучающейся нейросетью и подчинялись хозяину, как хорошо выдрессированная стая охотничьих собак.

Официально этой технологии не существовало.

Но полевые испытания уже начались.

– Тебе все-таки позволили взять «москитов», – изумился китаец.

– У меня нервная работа, – вальяжно объяснил Джа.

– Ты кто такой? – заорал Бентли. – Что происходит? Что с моими парнями?

– Можно посмотреть? – вежливо спросил Ли.

– Смотри.

Одна из летающих бомб, подчиняясь неслышному прика-

зу Винчи, приземлилась на указательный палец Хаоженья и замерла. Ли стоял рядом с сутенером, и прилет микродрона заставил того замолчать.

– Красивый.

– Изящный, – поправил китайца Джа. – Он изящный, брат, все хищники изящные. – И улыбнулся. – Я думал, с телохранителями придется повозиться, но малыши сделали все за меня. Так и хватку потерять недолго...

– В приемной грязно? – забеспокоился Хаожень.

– Чистильщики придут через три с половиной минуты, они на светофоре отстали. – Микродрон взлетел и принялся исследовать операционную – нейросеть была любопытна, – а Винчи поинтересовался: – Так о какой мечте шла речь?

– Мистер Бентли мечтает летать и пришел ко мне ради установки дрон-разъемов, – рассказал Хаожень.

– Ты кто такой, урод?! – рывкнул опомнившийся сутенер, поворачивая голову к Винчи. – Ты понимаешь, на кого наехал?!

– Летать, – повторил Джа, после чего стянул с Бентли маску и деловито заклеил рот скотчем. – Кстати, можно устроить, я как раз думал о чем-то подобном... – замер и покосился на китайца, сообразив, что в голосе Хаоженья отчетливо слышалась грусть: – Что случилось?

– Все нормально, – попытался отмахнуться китаец, но не получилось.

– Я вижу, что ты расстроен.

Сутенер вращал головой, делал страшные глаза, но на него не обращали внимания.

– Из-за чего мне расстраиваться?

– Ты мне скажи... – Джа прищурился. – Проклятье, Ли, этот урод тебе понравился?

– Мы разговаривали, – неохотно ответил Хаожень, старательно пряча от Винчи взгляд. – И на мгновение он показался нормальным.

– Что же он такого сказал, что ты заделался матерью Терезой?

– Ничего особенного...

– Неужели ты поверил в наличие у Бентли души только потому, что он захотел летать и чувствовать себя свободным?

Сутенер громко замычал.

– Почему нет? – Хаожень серьезно посмотрел в серо-стальные глаза Винчи. Спокойные до равнодушия.

– Потому что люди – странные существа, брат, – ответил Джехути. После чего достал карманный коммуникатор, открыл страницу с «моделями» и протянул китайцу. – Хочешь познакомиться с буклетом фирмы эскорта, которая принадлежит твоему «другу» Бентли? Перечень предлагаемых услуг: любая фантазия клиента. Вообще любая. Минимальный возраст «моделей» – семь лет, и они уже сидят на героине. – Винчи выдержал короткую паузу и поинтересовался: – Не хочешь с ними поговорить о мечтах, брат? Мож-

но устроить: я наберу номер, договорюсь, переведу оговоренную сумму, и их привезут в течение часа. Любого возраста.

Хаожень отвернулся.

Джа кивнул, убрал коммуникатор, повернулся к продолжающему мычать сутенеру, выдержал короткую паузу и спросил:

– Мой друг сказал, что ты мечтаешь научиться летать?

Спросил так, будто сутенера только что ввезли в операционную и он может ответить.

* * *

*Тюрьма портового управления
Нью-Йорка и Нью-Джерси
США*

– Полное имя?

– Эрна Феллер.

Компьютер пискнул, подтверждая совпадение имени и голоса, и надзирательница продолжила:

– Иммиграционный номер?

– Отсутствует! – заученно ответила девушка, глядя прямо перед собой.

– Причина?

– Гражданство США.

– Номер уголовного преследования?

– KWS87401263.

Всю эту информацию главная надзирательница женской половины тюрьмы Джуди Абрамс по прозвищу Зуботычина могла узнать, просканировав «арестантский чип» – информационную полосу, приклеенную ко лбам заключенных, однако Зуботычине доставляло удовольствие выслушивать ответы выстроившихся перед открытыми камерами женщин. Женщин, которые находились в ее полной власти. Джуди наслаждалась страхом, появляющимся в глазах заключенных, когда она оказывалась поблизости; нравилось прикасаться и трогать «подопечных», особенно молодых, свежих; и очень нравилось избивать слишком гордых и независимых за «неподчинение» или «попытку сопротивления». Как правило, после одного-двух уроков они превращались в покорных рабынь, готовых исполнить любую прихоть надзирательницы.

А прихотей у нее было много.

– Причина уголовного преследования?

– Карантинный арест.

– Дата рассмотрения дела?

– Сегодня! – выдохнула Эрна, изо всех сил стараясь, чтобы Абрамс не уловила в ее голосе радостных ноток. – Федеральный окружной суд Южного округа Нью-Йорка, судья Аджамбо Малик, общественный защитник – Энгельс Болл.

Закончив отвечать, Эрна продолжила смотреть прямо перед собой. Почти не мигая и почти не дыша. Девушка поня-

ла, что привлекла Зуботычину, и с замиранием сердца ждала продолжения расспросов.

– Почему общественный защитник? – вдруг спросила Абрамс. – Нет денег?

– Хороший адвокат мне не по карману.

– А плохой?

– Плохого мне назначили власти.

Зуботычина рассмеялась, затем бесцеремонно взяла Эрну за подбородок двумя толстыми, очень крепкими пальцами и заставила повернуть голову сначала в одну, потом в другую сторону. В портовой тюрьме действовал «зеленый» уровень биологической угрозы, она считалась продезинфицированной и безопасной, поэтому заключенным разрешалось ходить с открытыми лицами.

– Симпатичная... Жаль будет, если после суда тебя переведут в городскую тюрьму.

Две недели назад Абрамс отстранили от работы, она только вернулась и на поверке мгновенно заметила красивую новенькую: свежую, ни разу не бывавшую в тюрьме, а потому всего боящуюся и наверняка сломавшуюся бы после первого серьезного штурма. Зуботычина едва не застонала, представив, что бы она могла сотворить с красавицей, но тут же сжала кулаки, вспомнив, что добыча вот-вот ускользнет.

– Давай ее оставим, – едва слышно предложила Калифорния Полански, тощая и длинная, как жердь, обладательница лошадиной физиономии, служащая у Абрамс заместителем

и прекрасно понимающая причину, заставившую Зуботычину остановиться около красавицы. Калифорнии, принимающей активное участие в «развлечениях» начальницы, заключенная тоже понравилась, но она не рискнула приставать к Эрне в отсутствие Абрамс. – Запрет в карцере, а маршалам скажем, что заболела. Подозрение на баварский грипп.

– Фургон уже прибыл, – с сожалением произнесла Зуботычина, сверившись с центральным тюремным компьютером. – Маршалы заканчивают оформление документов.

– Жаль...

– Но если вернешься, Феллер, мы круто повеселимся.

Однако Абрамс понимала, что заключенная KWS87401263 не вернется.

Обязательному карантинному аресту Иммиграционная служба подвергала пассажиров, прибывших из стран «черного списка», а европейские территории значились в нем все – никто из службы не хотел оказаться «тем самым сотрудником, который пропустил в страну террориста». Подозрительных иностранцев отправляли в тюрьмы Иммиграционной службы в Нью-Джерси, к нелегалам, а граждан оставляли в тюрьме Портового управления, поскольку для них карантинный арест редко продолжался дольше двух-трех суток. Сначала заключенного подвергали шестичасовому допросу без применения психотропных средств, затем следовала шестичасовая проверка на полиграфе, после которой допрос продолжался еще три часа. Результаты проверки и отчет о

допросах передавали в офис окружного прокурора, и если ИИ безопасности и правосудия не находил ничего подозрительного, гражданина освобождали. Или подвергали домашнему аресту на пару недель.

– А может, ты сама откажешься ехать? – осведомилась Абрамс, которой до безумия не хотелось расставаться с красавицей. – Не хочешь сказать маршалам, что плохо себя чувствуешь?

Эрна промолчала, на ее лице не дрогнул ни один мускул.

– Ты меня слышишь? Или ты оказываешь сопротивление?

– Никак нет, – ответила девушка. – Не оказываю сопротивления и не хочу отказываться от поездки.

– Попытка сопротивления и оскорбление, – услужливо произнесла Полански, облизывая тонкие губы. – Все подтвердят, что Феллер на вас напала.

Зуботычина обвела взглядом запуганных заключенных, шумно выдохнула, раздув ноздри, но вспомнила, что расследование трех случаев изнасилования, из-за которого ее отстранили, до сих пор не закрыто, махнула рукой:

– Оставь эту сучку. – И продолжила путь вдоль строя.

Эрна едва слышно выдохнула.

– Повезло, – прошептала стоящая справа мулатка.

– Знаю, – в тон ей ответила Эрна.

– Зуботычина злая после отстранения, сегодня кому-то придется несладко.

О том, какими отвратительными бывают «развлечения»

Абрамс и Полански, рассказывали жуткие легенды.

– Почему ее не трогают?

– Раз в неделю Зуботычина устраивает «вечеринки» для важных шишек из управления и службы, на которые отправляет самых красивых заключенных, так что «крыша» у нее очень мощная.

– Понятно.

За те два дня, что Феллер провела в тюрьме Портового управления, она ни с кем не сблизилась, даже с соседкой по камере, которой оказалась такая же, как она, горемыка, подвергнутая карантинному аресту по возвращении из Балканских эмиратов. А вот болтливую мулатку Эрна видела всего пару раз – ловила на себе заинтересованные взгляды и обратила внимание на то, что на сегодняшнем построении девушка постаралась оказаться рядом.

– У меня тоже судья Малик, – прошептала мулатка. – Вместе поедем.

– Замечательно, – отозвалась Феллер, ухитрившись подавить саркастические нотки.

– Меня зовут Карифа Амин.

– Эрна.

Короткие ответы четко показали мулатке, что Феллер не в настроении заводить тесное знакомство, однако сдаваться Карифа не собиралась и едва слышно продолжила:

– Хорошо, что Зуботычина была отстранена, иначе ты могла отсюда не выйти. Ты ей понравилась.

– А тебе? – вдруг спросила Эрна, резко повернувшись к мулатке. Абрамс и Полански отошли довольно далеко, и только поэтому Феллер решилась на столь заметный жест. Потому что хотела увидеть, как среагирует Карифа.

Та все прекрасно поняла и отнекиваться не стала:

– Очень понравилась, – и быстро провела языком по верхней губе. – Но у меня нет над тобой власти, Эрна.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – прохладно отозвалась Феллер.

– Здесь нет, – уточнила Амин. – На воле все может поменяться.

– Это угроза?

Девушки вновь встали ровно, уперев взгляды в серую стену, но продолжали перешептываться.

– Нет, – после паузы ответила Карифа. – Никаких угроз. Если так поняла – извини.

– Я не хотела быть грубой, – прежде чем ответить, Эрна тоже помолчала. И покосилась на вошедших в зал маршалов.

– Пришло время сказать Зуботычине «Пока!», – тихонько рассмеялась мулатка.

– Я не буду скучать, – поддержала шутку Феллер.

– Не сомневаюсь.

Маршалов оказалось трое, но больше и не требовалось: во-первых, все они были пингерами, а учитывая место их службы, пинги им поставили боевые, во-вторых, в карантинный арест крайне редко попадали по-настоящему опасные

преступники – они предпочитали въезжать в Штаты из «нормальных» стран. Основу арестантов составляли законопослушные граждане, мечтающие оказаться в суде, чтобы доказать свою невиновность и не помышляющие о побеге. Способ перевозки тоже оказался «мягким»: не закрытый фургон с сопровождением, а заурядный автобус с зарешеченными окнами. Заключение разместили на лавочках по два человека, но полностью приковывать не стали, ограничились лишь фиксацией ножных кандалов.

– Признаться, я немного не так представляла возвращение домой, – пробормотала Эрна.

– Тебе не рассказывали о карантинном аресте? – подняла брови Амин. Которая, естественно, оказалась соседкой Феллер по лавочке.

– Рассказывали, но я была уверена, что меня это не коснется. Думала, посижу пару часов в «обезьяннике» и пойду домой.

– Все так считают, – рассмеялась Карифа. – И сильно удивляются, получив от судьи год-другой... и вовсе не условно.

– За что? – изумилась Эрна. И поправила съехавшую маску – в отличие от тюрьмы, в Нью-Йорке действовал «желтый» уровень биологической угрозы, поэтому во время посадки в автобус им выдали маски и перчатки.

– При карантинном аресте достаточно подозрительных областей на показаниях полиграфа: если их три и больше,

прокурорский ИИ фиксирует доказанное преступление.

– Какое преступление?!

– Не важно, – пожала плечами мулатка. – Что ты совершил, никого не интересует, если ты не был честен с полиграфом, значит, ты преступник. ИИ ставит отметку, заместитель прокурора визирует, судья впаривает год за ложь под присягой.

– Seriously?

– Ты разве не подписывала согласие на карантинный арест и последующее расследование?

– Подписывала.

– Но не читала текст.

– Нет.

– А следовало, – вновь рассмеялась Амин. – Там все эти нюансы прописаны черным по белому... Правда, очень мелким шрифтом.

– Они имеют право посадить меня, если им не понравятся результаты проверки на полиграфе? – до сих пор не могла поверить Феллер.

– Они посадят тебя, если им не понравятся результаты проверки на полиграфе, – уточнила Амин. – Добро пожаловать домой, Эрна. Наслаждайся.

Карифа была мулаткой, но с явной примесью то ли китайской, то ли японской крови, и результатом смешения трех рас стала чарующе красивая женщина с прямыми волосами и кожей цвета какао с большим количеством молока. Волосы

Карифа стригла дразнящим, едва прикрывающим шею каре. Лицо имела вытянутое, лоб выпуклый, нос слегка приплюснутый, полные губы – слегка вывернутые, а глаза – ореховые. Один глаз – ореховый, левый. Правый же был великолепной имитацией, но слегка отличался по цвету, поскольку, несмотря на все усилия офтальмологов, глазные пинги никак не хотели казаться настоящими. А вот правый висок, в который хирурги врезали несколько устройств, выглядел обыкновенным, и если бы Карифа специально не выделила шов, никто бы не поверил, что там находится технологический узел пингов. И псевдокожу мулатка носила дорогую, идеально имитирующую настоящую, не сразу поймешь, что руки у Карифы искусственные.

Фигурой девушка удалась на славу: оранжевый арестантский комбинезон подчеркивал высокую полную грудь мулатки, тонкую талию и длинные ноги. И было странно, что похотливые надзирательницы портовой тюрьмы не обратили на такую красотку внимания. Эрна не удержалась, спросила – и услышала ожидаемый ответ:

– Я – пикси, – Карифа закатала левый рукав и показала украшающую предплечье татуировку: забавную фею с большим пистолетом в руках. – Трогать меня – самоубийство даже для Зуботычины. Избить за неподчинение – пожалуйста, за остальное ей пришлось бы заплатить.

И все встало на свои места: принадлежность к не самой крупной, но известной и славящейся жестокостью нью-йорк-

ской банде надежно защищала Амин от приставаний похотливой надзирательницы. Она предпочитала измываться над теми, за кого некому вступитьяся.

– Почему тебя прихватили? – спросила Карифа, когда автобус выехал за пределы тюрьмы.

– Я приплыла из Европы.

– Ты не выглядишь подозрительной.

– Подозрительна сама Европа, – рассмеялась Эрна. – Иммиграционная служба арестовала почти всех моих попутчиков.

– Основание?

– Стандартный набор для возвращающихся из Европы: подозрение в терроризме, торговле оружием и биохакинге.

– Отличный набор, – одобрила Карифа. – Что из этого правда?

В ответ Эрна посмотрела на Карифу, как на идиотку, но смутить не сумела:

– Слишком личное? – весело осведомилась мулатка.

– Мне еще с этим жить.

– Я не стучу.

– Все стучат.

– Ладно, стучат все, – сдалась Амин. – Криминал – это непросто, иногда прижмут так, что волей-неволей начнешь рассказывать копам обо всем, что знаешь, но «рiху» стучат редко, у кого хочешь спроси. А на тебя я стучать не хочу.

– Потому что понравилась?

Несколько секунд Карифа молчала, а затем неожиданно серьезно ответила:

– Эрна, врать не буду, мне все равно с кем спать: с мужчиной или женщиной, но я всегда занимаюсь любовью по обоюдному согласию. Таков мой принцип. Я привыкла получать не только оргазм, но и удовольствие от близости: от разговоров, прикосновений, взглядов... Если ты смотришь на эти вещи иначе или тебе не все равно, с кем спать, и тебе нравятся исключительно мужики, так и скажи. А подначивать меня не надо.

Теперь взяла паузу Эрна, благо автобус полз к суду неспешно и времени на то, чтобы понять, действительно ли случайно встреченная пикси заслуживает откровенного ответа, было достаточно. С одной стороны, с незнакомцами, особенно с теми, с кем познакомился в тюрьме, лучше держать язык за зубами: уголовникам верить нельзя. С другой, однажды ей все равно придется рассказать правду, и хотя Эрна представляла, что разговор пройдет в другой обстановке, она прекрасно понимала, что всего не предусмотреть, и может получиться так, что тюремный автобус окажется лучшим местом для признания.

– Если спросишь обо мне, то мой карантинный арест основан на подозрении в торговле наркотиками, – продолжила Карифа, чтобы убить затянувшуюся паузу. – Нас взяли на катере в пятнадцати милях от берега: двигатель накрылся, и мы тупо дрейфовали в ожидании эвакуации. К сожалению,

береговая охрана явилась раньше.

– Почему не улетели на пингер-дроне?

– Потому что прилетели дроны береговой охраны, а с ними лучше не связываться.

Потому что все равно заставят приземлиться, только разговаривать будут по-другому, намного жестче.

– Почему ты не в тюрьме береговой охраны?

– Она битком, – охотно ответила Карифа. – К себе они забирают только тех, чье преступление могут доказать.

– Судя по тому, что арест карантинный и по подозрению, товар вы сбросить успели, – Эрна обозначила улыбку. – Доказать ничего не получится.

– Ага.

– Торгуешь наркотой?

– Здесь все торгуют наркотой, – легко ответила Амин. – Но список легализированных наркотиков с каждым годом расширяется, прежней прибыли давно нет, так что мы везли не наркоту, а «гильзы». Учитывая размер пошлины, которую выкатывает на них правительство, это самая выгодная сейчас контрабанда.

Гильзами называли миниатюрные батарейки для микрогенераторов, приводящих в действие импланты. Расхodoвались они не очень быстро, но требовались абсолютно всем пингерам, а потому спрос на них был колоссальным. Что и привело к появлению «черного» рынка.

– Бразильские?

– Европейские, черные «орочки гильзы».

– Они хорошие, – со знанием дела заметила Эрна.

– Лучшие! Я пользуюсь только ими.

– Хорошо идут?

– Отлично, – не стала скрывать мулатка. – Причем даже с нашим интересом получается в два раза дешевле, чем в официальной рознице.

Судя по всему, Карифа не лгала, и Эрна решила ответить новой подруге тем же.

– Биохакинг, – едва слышно сказала девушка, не забыв оглядеться и убедиться в том, что к их разговору не прислушиваются.

– Ух ты! – глаза Амин вспыхнули. Точнее, левый – настоящий, а правый остался просто красивым глазом. – Правда?

– Ты спросила – я ответила.

– Почему ответила? Я тебе понравилась?

– Не в этом смысле.

– А жаль... – но было видно, что игривый вопрос Карифа задала машинально, а вот неожиданное и невероятное признание Феллер произвело на мулатку сильное впечатление. – Ты ведь гражданка Америки?

– Да.

– Давно не была дома?

– Почему спрашиваешь? – насторожилась Эрна.

– Слышала, что сенатор Томази протащил поправки к федеральному закону о вторжении в личное пространство, так

что теперь за биохакинг полагается не от десяти до двадцати пяти, а пожизненное. И никаких смягчающих.

– Поправки приняли давно, – помолчав, ответила Феллер. – Но скрывать не буду: они заставили меня пересмотреть некоторые жизненные принципы.

– То есть ты им больше не занимаешься? – прищурилась Карифа.

– Не занимаюсь, – улыбнулась Эрна.

– А что еще делать умеешь?

– Иди к черту.

Но мулатка поняла, что Феллер шутит, и продолжила:

– Чем будешь зарабатывать на соевые бобы с соевым соусом?

– Придумаю что-нибудь.

– Встанешь на углу?

– Не собираюсь занимать твое место.

– У тебя и не получится.

– Это мы еще посмотрим.

– А правда: умеешь что-нибудь делать?

– Вязать, – неожиданно ответила Эрна.

– Врешь!

– Честно – умею, бабушка научила, – заканчивая фразу, Феллер поняла, что и второе ее признание произвело на мулатку впечатление.

– Всегда хотела научиться вязать, – вдруг произнесла Амин. Причем произнесла с легкой грустью, на мгновение

перестав быть пикси. Но только на мгновение, потому что уже через секунду мулатка громко рассмеялась и предложила: – Может, откроем свою фирму: ты будешь вязать, а я – продавать.

– Ты умеешь продавать?

– Я легко схожусь с людьми.

– Неужели?

– Странно, что ты этого не заметила... Хотя нет, не странно.

Несколько секунд девушки смотрели друг на друга, а затем рассмеялись. И не просто рассмеялись, а с заразительной беззаботностью, как над очень веселой шуткой.

* * *

Клуб «GottoNY»

Бруклин, Нью-Йорк

США

– Думайте о душе своей, люди, ибо каждый из нас и есть душа! И что есть она – то есть мы. Чего жаждет душа – то есть мы. На какое преступление готова она – то есть мы. Как высоко взлетит она – так высоко и нам лететь...

Когда миру явились первые обновленные люди, несчастные люди, пережившие некроз Помпео, потерявшие часть себя и не представляющие, как жить дальше, им сразу и во всех странах принялись придумывать особое название, как

будто не было в тот момент ничего важнее.

А может, и впрямь не было, ведь Слово всегда в начале, и когда в мире появляется нечто новое, люди сразу ищут ему имя.

Как бы там ни было, в зависимости от воспитания и образования авторов, прозвища получались или меткими, или нецензурными, наиболее распространенными оказались «киборги», «терминаторы» и, как ни удивительно, «арнольд-ды», но в итоге прижилось самое странное – пингеры, намекающее на жужжание имплантов и протезов. Лживо намекающее, поскольку приводы даже первых устройств работали абсолютно бесшумно... пока были новыми, разумеется, а у богачей – всегда. Слово легло на язык, потому что в нем отразились и суть произошедшего, и легкая издевка. Поскольку те, кого некроз пока обходил стороной, видели в пингерах не совсем людей. Как минимум – измененных. А они, измененные, в одночасье получившие не только новую жизнь, но и новое имя, пытались осознать себя, понять, люди они теперь или нет? Пугающее или естественное? Равное или низкое? И многие из них не смогли разобраться и обойтись без посторонней помощи, но психологи, к которым обращались пингеры, сами не знали ответов на философские вопросы, только-только знакомились с новым миром, постигая, а то и сочиняя его законы. Мир изменился, но еще не отыскал нужного слова, и тогда к его растерянным обитателям явился Орк, который сказал просто и понятно: «Вы – люди! И оста-

вайтесь людьми, что бы ни говорили вокруг, потому что человеком вас делает душа, а железяки, которые мы вынуждены в себя вставлять, есть тлен».

И эти слова подхватили капелланы, в одночасье появившиеся на улицах больших городов. Фанатичные проповедники старой церкви для новых людей, не жалеющие себя и не думающие о риске. Орк никогда не признавал их своими, но пару раз упомянул, что капелланы «делают благое дело».

– Отриньте страх и боль! Вспомните, что вы – люди! Вспомните о гордости и о том, что родились свободными! – Капеллан обращался к прохожим, стоя на перевернутом ящике. Обращался басовитым, хорошо поставленным голосом, не прибегая к помощи громкоговорителя или иного устройства, и прохожие реагировали: останавливались и прислушивались. А из остановившихся мало кто уходил, поскольку слова Капеллан использовал простые, понятные и находящие отклик в душах людей. – Многие из нас потеряли ориентир, потеряли понимание Добра, но не потому что злы, а потому что искренне считали, что Добро покинуло наш мир. А оно здесь...

Из здания напротив вышли два плотных пингера, одетых по последней моде вышибал и мелких гангстеров: в широкие штаны, футболки, респираторы военного образца и тактические кроссовки, пронзили толпу зевак – люди торопливо расступались, – и остановились перед капелланом.

– Пошел прочь!

– Я сделал что-то не то? – осведомился проповедник после короткой паузы. И бросил взгляд на синий внедорожник, в котором скучали двое полицейских. Именно скучали: ни они, ни их дроны вмешиваться в происходящее не собирались.

– Босс не хочет, чтобы ты здесь был, – грубо сообщил тот гангстер, что стоял слева: высокий мулат, чьи искусственные руки покрывала дешевая псевдокожа с бесчисленными татуировками.

Его напарник молча кивнул.

– Но...

– Сегодня важный для бизнеса день, парень, люди хотят немного заработать, а ты мешаешь им сосредоточиться. Приходи под утро, когда все будут пьяные или обдолбанные, и тогда говори все, что пожелаешь. А сейчас – нельзя.

Мулат смотрел на Капеллана очень зло, но говорил сдержанно, то ли из-за полицейских, то ли из-за людей, что стояли вокруг.

– Сколько времени вы мне дадите?

– Нисколько.

– Я должен закончить выступление, – проповедник обвел взглядом людей, которые с интересом ждали развязки. Хотели увидеть, как он подчинится.

– Мне нужна пара минут, – уверенно произнес проповедник и вновь обратился к людям: – Услышьте слово...

Это было очень дерзко, демонстративно дерзко и даже де-

монстративно пренебрежительно. Капеллан при всех унизил чутких к «знакам уважения» уголовников, и расплата последовала незамедлительно: мулат нанес чудовищный по силе удар в живот, его напарник толкнул несчастного на землю и принялся бить ногами, прохожие поспешили разбежаться, полицейские – чинно удалиться. Даже дроны разлетелись в разные стороны, не особенно интересуясь судьбой капеллана. Картина стала для окружающих «невидимой», никто не обращал внимания на происходящее, и только женщина, подъехавшая к клубу «GottoNY» в длинном черном лимузине, лениво осведомилась:

– Что происходит?

Поскольку избивали проповедника в нескольких метрах от главного подъезда.

– Капеллана бьют, миссис Феллер, – коротко ответил водитель.

– Кого?

– Бандитам чем-то не понравился голос церкви.

– Кого бьют? – переспросила женщина.

– Капеллана, – повторил водитель. – Неужели вы о них не слышали?

– Теперь припоминаю... – она поправила белокурый локон и сделала маленький глоток шампанского из хрустального бокала. – А за что его бьют?

– Наверное, он чем-то прогневал бандитов.

– И все? – удивилась женщина.

– Капелланов часто бьют, миссис Феллер, – ровным голосом рассказал шофер. – Никто не хочет слышать то, что они говорят.

– А что они говорят?

«Правду», хотел ответить шофер, но проглотил почти вылетевшее слово и вместо него уточнил:

– Они говорят, что пингеры – такие же люди, как все остальные.

– Почему же пингеры их не защищают?

– Не знаю, – пожал плечами шофер. И мысленно уточнил: «Пока не защищают».

Трудно, а если честно – почти невозможно объяснить пристрастие горожан к пикапам, комфортабельным грузовикам, абсолютно бессмысленным в современных мегаполисах. Пикап рожден для фермеров, которые с утра грузят в кузов доски для ремонта коровника, а вечером – клетки с птицей на продажу; для реднеков⁵, хранящих в нем охотничьи стволы, спиннинги и собак; для тех, кому милы широкие просторы прерии и непроходимые горы, кто умеет разжечь костер без спичек и привык надираться в придорожных закусовых. Пикапы должны бродить по лесам и бездорожью, но

⁵ Англ. rednecks, буквально «красношеие» – жаргонное название жителей сельской глубинки США.

многие успешные дети фермерской Америки, переехавшие в большие города и заработавшие большие деньги, вопреки всякой логике выбирали не юркие электрические седаны, а массивные грузовики, заряженные мощными двигателями внутреннего сгорания. Платили безумные налоги за демонстративное презрение к экологии и дикие штрафы в фонд украденного детства Греты Тунберг, но сохраняли верность традиции.

И Джахути Винчи, которого друзья называли Джа, подъехавший к клубу «GottoNY» на авеню Бей-Ридж, оказался одним из таких консерваторов. Его машиной был черный, как душа Сатаны, RAM «Grizzly», здоровенный пикап, выпущенный ограниченной серией – всего пятьдесят штук, – специально для отморозенных на всю голову ценителей с бездонными карманами. При этом пикап прошел дополнительную модификацию: звук двигателя намекал опытному уху, что под капотом «Гризли» прячется не стандартный весьма «раскачанный» мотор, а нечто более мощное, плюс другие колеса, лучшие в категории «город-пригород», усиленная подвеска, из-за чего и без того высокая машина еще приподнялась, и мощный свет. Впрочем, роскошными и эксклюзивными автомобилями обслугу «GottoNY» удивить было сложно: несмотря на то что клуб принадлежал группировке FN23 и считался ее штаб-квартирой, он пользовался колоссальной популярностью и привлекал огромное количество богатых любителей ярко провести время. А главной

«изюминкой» считались полуподпольные пингерские бои, частенько заканчивающиеся смертями гладиаторов. Сегодня в «GottoNY» был запланирован интереснейший поединок, в котором Дрекслеру Капитану и Синтии Го предстояло определить, кто бросит вызов чемпиону Кеке по прозвищу Паразит. Бой подводил черту под трехмесячным отборочным марафоном и вызвал настоящий ажиотаж: к клубу выстроилась вереница дорогуших авто, среди гостей то и дело мелькали известные персоны, весело машущие репортерам и репортерским дронам, но в отличие от них Джа дешевой популярности не искал и светиться на новостных каналах не собирался: по дорожке не прошелся, перед папарацци не позировал, остановил машину у скромного третьего подъезда, подождал, пока внутрь проскользнет известный чиновник мэрии, небрежно обнимающий двух молоденьких «секретарей», бросил ключи подбежавшему парковщику и неспешно подошел к дверям.

Джехути был не очень высок, но плотен, мог показаться толстяком или раздобревшим после окончания карьеры спортсменом, однако его плавные и очень мягкие, напоминающие кошачьи, движения тонко намекали, что лишних килограммов Джа пока не набрал. Из машины Винчи вышел в затемненной fullface-маске, что, впрочем, тоже не удивило охрану: несмотря на «желтый» уровень биологической тревоги на улице и полную безопасность внутри клуба, высокопоставленные любители гладиаторских боев частенько оста-

вались в масках, не желая, чтобы их связывали с FN23. Людей в масках вышибалы «GottoNY» привычно пропускали, однако Джа привлек внимание.

– Твой maNika зарегистрирован на миссис Старовиражевич из Аляски.

– Старовиражевич, – поправил здоровяка Винчи. – И что?

– Это нежелательно.

– Использование полицейских программ сканирования нейрочипов и вовсе незаконно.

– Ты умный?

– Завидуешь?

Джа держался с охранниками несколько высокомерно, четко показывая разделяющее их расстояние, однако вышибалы демонстрировали удивительное спокойствие, почти не реагируя на провокационное поведение гостя: они повидали немало наглых VIP-персон и знали, как себя вести.

– Это нежелательно.

– Сглотнешь, Луи.

– Меня зовут не Луи.

– Да пофиг.

По лицу громилы стало ясно, что он сдерживается из последних сил, но ситуацию разрядил подбежавший менеджер, наконец-то заметивший возникшую у двери заминку.

– Все в порядке, Чак, мистер Старовиражевич – особенный гость, – произнес он, мягко ухватывая здоровяка за рукав. – Дальше я сам.

Охранники с видимым облегчением отступили, а менеджер широко улыбнулся и увлек Винчи внутрь.

– Прошу прощения за недоразумение.

– Такое случается.

– Рад, что вы с пониманием отнеслись к рвению охранников, – с чувством отозвался менеджер. – Мистер Руфай предлагает обсудить дела после боя... если вы не против.

И если бы последнее добавление услышали вышибалы, они бы от изумления впали в ступор: ведь менеджер прямым текстом сказал, что ради встречи с таинственным Старовиражевичем Мози Руфай, беспощадный главарь FN23, готов отказаться от созерцания долгожданной схватки.

Но идти на жертву не пришлось.

– Передайте мистеру Руфаю, что я с удовольствием посмотрю бой, – ответил Джа. В действительности он относился к гладиаторским побоищам более чем прохладно, но уголовники прислали билет на лучшее место и отказ могли принять за оскорбление. – Переговорим позже.

– Благодарю.

Менеджер исчез.

А Винчи прошел в главный зал, в котором выпивали, болтали, улыбались и толкались многочисленные гости: бандиты, селебрити, бизнесмены, политики, чиновники, шлюхи... Все, кому нравилось наблюдать за мордобоем и кого заводил вид крови. Все, кто хотел взглянуть на запретное и, возможно, увидеть чужую смерть...

Как будто в мире победившего Помпео смертей было недостаточно.

Джа отказался от шампанского, но взял коктейль, чтобы пить через трубочку – конструкция маски это позволяла, неспешно прошелся, разглядывая гостей, и только собрался в зал, как замер, увидев белокурую женщину в облегающем платье, окруженную сразу несколькими мужчинами. Смеющуюся женщину в зеленом платье, с большими зелеными глазами и с зелеными изумрудами на шее, пальцах и в ушах. Очень красивую женщину, умеющую пользоваться своей красотой. Королеву, выбирающую фаворита на ближайшую ночь.

Джа знал ее имя, но впервые увидел не на экране коммуникатора и... И с удивлением понял, что смотрит на белокурую красавицу уже целую минуту.

Не отрываясь.

Совершенно позабыв о выпивке.

Она почувствовала взгляд и оглянулась.

– Черт! – Винчи понимал, что маска спрячет его от красавицы, но все равно покраснел. – Черт!

Сунул бокал ближайшему официанту и быстрым шагом направился в ложу.

– Синтия Го! – провозгласил ведущий, и зал наполнился

одобрительным гулом. Громким, но не слишком – поддерживали дерзкую претендентку в основном женщины.

Общей любви Синтия не снискала, поскольку, как бы странно это ни прозвучало в отношении гладиатора, имела репутацию жестокого бойца и любила доставлять противникам боль. Для Синтии этот отборочный марафон был дебютным, но прошла она его с блеском, не испытыв особенных проблем: ломала кости, вырывала пинги и разбивала ими головы противников. Крови во время ее боев лилось предостаточно, что нравилось лишь отморожкам, но Синтия знала, что если победит – ее полюбят, даже несмотря на жестокость.

– Девятнадцать побед в девятнадцати боях! – продолжил ведущий. – На личном счету нашей симпатичной Го четыре покойника! И все они умерли на ваших глазах! На арене! Никого не успели отвезти в больницу!

Синтия вошла в клетку и остановилась, неспешно наклоняя голову то вправо, то влево. В отличие от подавляющего большинства гладиаторов, Го скрывала пинги под псевдокожей, и выглядела как обыкновенная, не очень высокая девушка спортивного сложения: с маленькой грудью, крепкими ногами и злым лицом. Кисти защищены бинтами, и эта деталь показалась Джахути нарочитой: к чему защищать костяшки, если все знают, что конечности у Синтии искусственные? Профессиональный боец не мог себе позволить ничего настоящего, поэтому руки и ноги Го были собраны из легкого, но сверхпрочного титариума, позвоночник и таз

усилены, а суставы надежно укреплены.

– Соперником нашей прекрасной и безжалостной Синтии станет... – ведущий выдержал короткую паузу, позволяя залу набрать в легкие воздух, и продолжил: – Дрекслер...

– Капитан! – рявкнули зрители и разразились овацией, приветствуя любимца Нью-Йорка, всемирно известного чемпиона, проигравшего Паразиту пояс и вынужденного возвращаться к вершине с самого низа – таковы были жесткие правила лиги.

– Сто восемьдесят три победы в ста девяноста пяти боях и двадцать семь покойников! Чемпион чемпионов, жаждущий вернуть себе титул! Наш Капитан!

Дрекслер появился, как настоящая звезда: под фанфары, улыбаясь и раздавая воздушные поцелуи, а оказавшись в центре клетки, вскинул вверх все четыре руки.

– В maNika чемпиона стоит военное ПО, – со знанием дела сообщил подружке сосед Джахути. – Позволяет контролировать шесть конечностей.

– Зачем?

– Затем, что он эту маленькую дурочку растерзает и не заметит!

В действительности дополнительные руки играли вспомогательную роль, полноценного управления ими нейрочипы пока не обеспечивали: человеческий мозг упорно воспринимал вторую пару как лишнюю, и сколько времени потребуется программистам, чтобы преодолеть его сопротивление,

никто не знал. ПО для «шестирукой» maNika было написано не военными, а хакерами, и Дрекслеру пришлось много тренироваться, чтобы заставить себя использовать дополнительные конечности хотя бы в половину их возможностей, но своего чемпион добился.

– Капитан! – заорал сосед.

И Дрекслер прыгнул на Синтию.

Бой начался.

Быстрый, как всегда у пингеров, и безжалостный, как всегда у гладиаторов. Бой начался без разведки, поскольку противники хорошо изучили друг друга по видео: Капитан прыгнул, показывая, что собирается обрушиться на Го сверху, но в полете извернулся, приземлился много раньше ожидаемого и ловкой подсечкой свалил ошеломленную Синтию с ног.

Зал радостно выдохнул.

На мгновение показалось, что схватка завершена, но девушка успела откатиться в сторону до того, как Дрекслер развил атаку, ловко уклонилась от мощного удара и ответила прямым в подставленный висок. Очень быстро ответила и потому успешно: голова Капитана резко дернулась и, не будь его шея усилена, наверняка бы сломалась.

Дрекслер коротко вскрикнул. Зал замер. Синтия молча бросилась на Капитана, проскользнула между едва шевелящимися руками – судя по всему, Дрекслер «поплыл», – сбילה с ног и прилипла, взяв на удушающий.

– Но как? – прозвенел в наступившей тишине изумленный голос одной из поклонниц Капитана.

Синтия улыбнулась, продолжая душить противника и не задумываясь над тем, почему он до сих пор не признал поражение, почему не стучит ладонью по земле, почему хрипит, но при этом...

– Черт!

Го слишком поздно сообразила, что попала в мастерски подготовленную ловушку: Дрекслер знал, что удушающий – коронный прием Синтии, укрепил шею, трахею и специально подставился под захват. И в тот момент, когда Синтия выкрикнула: «Черт!» – захватил ее в жестокие объятия.

Положение бойцов изменилось в мгновение ока: Капитан дважды ударил Го в голову, вывернулся, взяв на болевой, но не остановился, а стремительно, пока Синтия не попросила о пощаде, до предела вывернул ей руку и безжалостно ударил в сустав. Крика не было, но громкий хруст показал зрителям, что бой окончен.

– Вот уж не думал, что Капитан так просто разделается с девчонкой, – улыбнулся Джа, усаживаясь в предложенное кресло. – Она казалась опасной.

– И ты на нее поставил?

– Нет, конечно.

– В таком случае, нам не за что извиняться.

Мужчины негромко рассмеялись.

В отдельном кабинете их было трое: Джахути Винчи, Мози Руфай, большой босс FN23, и его ближайший помощник Узочи Бабагида. Столь значимые люди, за которыми стояло множество готовых на все бойцов, не часто снисходили до встреч с простым посредником – а именно так представился Джа, – однако Винчи рекомендовали настолько серьезные люди, что главари одной из двух самых больших банд Восточного побережья готовы были даже пропустить бой.

– Шампанского?

– Виски.

– Правильный пацан?

– Не совсем.

– В смысле? – удивился главный уголовник.

– Не «бурбон», а скотч, – объяснил Джа, и Руфай с облегчением рассмеялся:

– Это мы стерпим.

Известный гомофобными взглядами Мози оказался любителем дорогих костюмов и шелковых рубашек. Он носил туфли из кожи крокодила, несколько крупных перстней с разноцветными камнями и золотую цепь на шее. Дурной вкус Руфая объяснялся легко: выглядывающие из-под воротника татуировки четко говорили, что начинал Руфай с самых низов и, добравшись до богатства, делал все, чтобы его продемонстрировать.

Его помощник, заместитель, палач и самый верный друг Узочи был пингером и не скрывал этого. Впрочем, скрыть замену черепной коробки сложно, а Бабагида был одним из первых, кто сумел пережить эту процедуру: «Feller BioTech» устанавливала искусственные черепа без гарантий, смертность составляла шестьдесят процентов, но Узочи повезло. Его голову разобрали и собрали заново, и теперь он носил черный, не прикрытый псевдокожей титариумный череп, из отверстий в котором на Джа смотрели искусно пересаженные живые глаза.

Узочи знал, какое впечатление производит, привык наслаждаться смущением собеседников и слегка разозлился, не увидев в глазах Винчи неуверенности.

Впрочем, с тех пор как ему заменили череп, Узочи постоянно злился.

– Ты останешься в маске?

– Она мне не мешает, – легко ответил Джа.

– Не сможешь выпить.

– Мне достаточно подержать стакан в руке.

– Это хороший скотч, – после короткой паузы произнес

Бабагида, кивнув на бутылку.

– Тогда я унесу стакан с собой.

Руфай, который как раз закончил разливать виски, поставил бутылку на стол, рассмеялся и потрепал друга по плечу:

– Все в порядке.

– Не люблю, когда люди прячут лицо, – продолжил тот.

– Мне еще с ним жить, – скромно заметил Винчи.

– А я не люблю...

– Узочи, наш новый друг просто не хочет раскланиваться при встрече на балу у мэра, – Руфай демонстративно подвинул стакан гостю и поднял брови: – Не так ли?

– Совершенно верно, – подтвердил Винчи.

– Но если наш новый друг хочет совершить сделку, ему придется показать лицо. А на балу у мэра я первым от него отвернусь.

Условие прозвучало и было принято: Джа кивнул и снял маску.

Он оказался белым – впрочем, это было видно по рукам и шее, – без капли цветной крови, со светло-русыми волосами и короткой бородкой, обрамляющей округлое лицо, которому очень шло добродушное выражение. Глаза серо-стальные, нос небольшой, на щеках – маленькие, едва заметные ямочки, а вокруг глаз – морщинки от бесчисленных улыбок. Винчи напоминал молодого Санта-Клауса в отпуске, однако лидерам FN23 доходчиво объяснили, что перед ними сидит не просто авторитетный, а очень опасный человек.

Который пригубил виски и поднял брови:

– Прекрасно, Мози, действительно великолепный скотч.

– Рад, что он тебе понравился.

В следующее мгновение Джа перевел взгляд на Бабагида:

– Без обид, Узочи, я не хотел никого оскорблять, и если ты счел, что я зашел слишком далеко, – готов принести из-

винения. Впредь буду осторожнее в высказываниях.

– Не будешь, – эмоции на металлическом черепе не отразились, но по голосу собеседники поняли, что второй уголовник успокоился. – Но я тебя понял, белый, и я это принял.

– Спасибо. А чтобы не показаться дерзким и наглым, я прошу принять в дар пять ящиков знаменитых, любимых вами АК99. Я сбросил файл с указанием, где вы можете их забрать. Пятьдесят стволов и по сотне патронов к каждому.

– Бесплатно? – уточнил Мози.

– Абсолютно.

– В чем подвох? – уточнил Узочи.

– Хочу привлечь ваше внимание.

– Ты и без стволов привлек наше внимание, но с подарком действительно лучше, – Руфай сделал большой глоток виски. – Во всяком случае, хоть что-то останется от тебя на память.

Винчи вежливо посмеялся. Узочи остался бесстрастен.

– Какие новости ты нам привез? – перешел к делам Руфай.

– Хорошие, – неспешно ответил Джа, поигрывая стаканом. – Я смогу сделать то, о чем мы говорили в прошлый раз.

– Ты молодец, – важно произнес Мози. – Но мы еще не приняли окончательного решения.

– Я ни в коем случае не собираюсь вас торопить, – пожал плечами Винчи и с видимым удовольствием сделал еще один глоток виски. – Но я слышал, у вас стали исчезать люди...

– Что? – рявкнул Узочи.

– Откуда ты знаешь? – дернулся Руфай.

И стало ясно, что Винчи наступил на большую мозоль.

– Я веду дела, а не сплю с открытыми глазами, – хладнокровно произнес Джа. – Я знаю, что вы потеряли Бентли, и теперь его территорию пытаются прихватить «guerreros».

– Мы ее удержим.

– Не сомневаюсь. Но важно не то, что вы сумеете отбиться, а то, что у вас пропадают люди.

Бандиты переглянулись. Винчи допил виски, поставил стакан на стол и выразительно посмотрел на Мози. Тот молча взял бутылку.

История их взаимоотношений, еще не сложная, но перспективная, развивалась несколько месяцев и сейчас приближалась к кульминации. Она началась с желания FN23 решить проблему первенства и взять Восточное побережье под полный контроль. Амбициозная задача требовала огромных сил и казалась невыполнимой, поскольку единственный конкурент банды – латиноамериканский клан «guerreros» обладал приблизительно равными с FN23 возможностями. И тогда появилась идея получить поддержку у европейских деловых партнеров Руфая, в распоряжении которых находилось изрядное количество хорошо вооруженных, умеющих воевать бойцов, и на сцену вышел человек, которого Узочи и Руфай знали под псевдонимом Старовиражевич. До сих пор они общались по сети, сегодня впервые увиделись, и бандиты сразу потребовали снять маску.

А это означало, что решение принято.

Или будет вот-вот принято, поскольку лидеры FN23 не могли не знать, что конкуренты из «guetters» затеяли активную вербовку бойцов в Центральной Америке.

– Какие дела ты ведешь с Сечеле? – вернулся Узочи к старым, давно пройденным вопросам.

– Не только с ним, – уточнил Джа, забирая со стола свой стакан. Он понимал, что лидерам FN23 требуется время, чтобы прийти в себя после упоминания Бентли, и легко согласился повторить пройденное.

– Какие дела?

– В основном – оружие.

– А не в основном?

– Достаточно того, что я плотно занимаюсь поставками оружия, а значит, в моем распоряжении есть подходящий транспорт, – чуть жестче ответил Винчи. – Сечеле поставил передо мной задачу, я взял время на размышление и теперь говорю: я могу ее решить.

– Ты сможешь привезти в Штаты тысячу солдат? – недоверчиво спросил Узочи.

– Сечеле говорил о пятнадцати тысячах, – сделав глоток виски, Джа вернул стакан на стол и принялся сворачивать самокрутку. – С оружием.

– Как ты это сделаешь?

– Благодаря коррупции, мой дорогой Узочи. Или ты думаешь, что я стал удачливым торговцем, потому что стара-

тельно скрываюсь от GS?

– Ты не скрываешься от GS? – удивился бандит.

Винчи раскрутил самокрутку, пустил к потолку струю ароматного дыма и, глядя в живые глаза железноголового собеседника, спокойно ответил:

– Я с ними сотрудничаю.

И тем заставил Узочи поперхнуться.

– Может, ты в ней служишь? – тихо спросил закончивший размышления Руфай.

– А тебе не все равно? – поднял брови Джа.

– То есть? – растерялся уголовник. А учитывая его положение, в прошлый раз Мози чувствовал растерянность приблизительно шесть лет назад.

– Если бы GS за каким-то чертом понадобилось ликвидировать пятнадцать тысяч европейских голов, GS ликвидировала бы их в Европе. Нет смысла сажать боевиков на корабль и топить... – Винчи глубоко затянулся. – Не забывайте, что корабль сам по себе больших денег стоит.

– То есть GS пропустит судно, под завязку набитое вооруженными бойцами? – изумился Узочи.

– GS и береговая охрана просто пропустят судно, – терпеливо объяснил Джа. – Их не будет волновать, что оно везет – это я гарантирую.

– В чем твой интерес?

– Деньги и развитие бизнеса. Когда вы устроите большую заварушку, мои товары и услуги будут крайне востребованы.

– Но когда мы победим, ты потеряешь крупный рынок сбыта в лице «gueetegos», – заметил железноголовый. – Да и мы успокоимся...

– Успокойтесь настолько, что вам перестанет требоваться оружие? – удивился Винчи. На этот раз – не притворно. – Ты серьезно?

– Без оружия мы не обойдемся, – проворчал Руфай, жестом предлагая Узочи заткнуться. – Когда ты сможешь обеспечить поставку?

– В течение двух недель.

– Оплата?

– Вперед.

– Гарантии?

Джа развел руками и приятно улыбнулся. Все было понятно без слов: гарантии в таких делах никто не давал.

Orc archive

Paris ne vaut pas une messe⁶

Раньше, до того как мир необратимо изменился, мне нравилось внезапно, без всякой на то причины, просто по зову сердца, бросить дела и отправиться в какой-нибудь город. Иногда – в старинный европейский, тихий, больше подходящий на деревню, иногда – в современный китайский мегаполис, или в пыльный, пустынный, плавающий под знойным солнцем арабский, в котором пять раз в день кричит

⁶ Париж не стоит мессы (фр.).

муэдзин, или в опасные азиатские трущобы, по улицам которых бродят крысы с ножами и крысы с хвостами. Отправиться только потому что захотелось увидеть именно этот город, захотелось побродить по его улицам, послушать голоса жителей, иногда понятные, иногда абсолютно чужие, выпить местного вина или пива, съесть то, что едят все вокруг, переспать с местной красоткой или с той, кого местные называют красоткой, и встретить рассвет на террасе, со стаканом виски в руке и сигарой в зубах.

Встретить расслабленным, успокоившимся, готовым вернуться в большой мир.

Мне нравилось бывать в абсолютно разных городах и через их камень прикасаться к истории: древней, средневековой и современной. Я бродил по улицам, которые видели королей и кардиналов, великих ученых и не менее великих полководцев, президентов, трибунов, революционеров, людей пылких и горячих, мечтательных, отчаянных, смелых, а главное – устремленных в будущее. Я видел города, застывшие и меняющиеся в угоду времени, сохранившие традиции и сделавшиеся безликими, и любовался их жизнью.

Но после того, как мир испоганил некроз Помпео, страсть к путешествиям оставила меня. Потому что сначала жизнь городов сделалась нервной, наполненной злостью и тоской, болью, порождающей жестокость, и ненавистью, результатом которой становилась еще большая боль. А потом, когда прекратились вызванные Помпео бунты и власти установи-

ли контроль над территориями, жизнь окончательно изменилась. Она мало где походила на себя недавнюю, даже там, где власть осталась в прежних руках, и я устал угадывать, в каком городе можно отдохнуть и развеяться, а с каким можно только попрощаться.

Мир перестал меня радовать.

Я стал путешествовать только в тех случаях, когда этого требовали дела, воспринимая переезды без удовольствия, как необходимость, но был один город, в который я не мог не заехать. С которым не мог не попрощаться, потому что был обязан ему многим. Старинный город, который барон Осман превратил в блестящую имперскую столицу. Старинный город, в котором я обрел все, что у меня есть, который изменил меня так же, как я изменил мир: сильно, безжалостно и навсегда. В старинный город, который я никогда не любил, но который стал моей страстью.

В город...

Я отправился в Париж.

Прощаться.

Знаю, звучит сентиментально. Знаю. И еще знаю, что нельзя возвращаться туда, где был счастлив, но я хотел увидеть набережные, по которым мы с Беатрис медленно гуляли вечерами; мосты, на которых стояли, бездумно разглядывая проплывающие по Сене кораблики; камни, на которых сидели, по очереди откусывая от свежайшего багета; парки, в которых прилюдно целовались, наплевав на правила шари-

ата; бульвар Гарибальди, по которому я каждое утро ходил за горячими круассанами... Пекарню у старика Роже отобрали, теперь ею владеет кислый Абдуллах с носом цвета «баклажан» и такого же размера, предлагающий восточные сладости, в том числе – с марихуаной. За выставленными на тротуар столиками курят кальян. Через две двери – публичный дом, новый, раньше его здесь не было. «Дешевые белые шлюхи!» Скорее всего – славянки, мне рассказывали, что албанцы наладили поставки из Чехии и опустили цены на самых крупных аукционах до неприлично низких. Стены домов расписаны черной вязью, потому что Его превосходительство Исам Даниял, мудрейший глава XV парижского округа, имел репутацию человека набожного и распорядился, чтобы на каждой улице размещалось не менее трех цитат из Корана, а подданные, как это часто бывает с лизоблюдами, решили продемонстрировать рвение и расписали угодными руководителю надписями все свободные места. Раньше надписей не было. И мусорных куч не было – вонючих надгробий муниципальной службе. Нынешний XV округ оплачивал услуги мусорщиков неаккуратно, по мере необходимости, и кучи исчезали в лучшем случае раз в месяц.

Исчезали, чтобы вновь начать расти...

И вонять.

В том Париже, который я знал, пролилось много крови: Варфоломеевская ночь, бесчисленные казни во время Революции, безжалостное подавление Коммуны – вот лишь

немногие события, во время которых на старые камни валялись горы трупов. Если сложить все кости, перемолотые здесь временем, то Париж давно следовало признать кладбищем, но теперь он погибал, и я, получается, присутствовал на похоронах кладбища.

Странное ощущение.

Я вышел в центр бульвара Гарибальди и поднял голову, как всегда делал, возвращаясь в нашу квартиру с горячими круассанами на завтрак: искал взглядом балкон на третьем этаже и всегда находил на нем Беатрис – она встречала меня, одетая в легчайший, очень тонкий шелковый халат, оставляющий открытыми длинные ноги и едва скрывающий грудь. С небрежно заколотыми волосами. Желанная настолько, что у меня перехватывало дыхание, любимая настолько, что начинало щемить сердце. Увидев меня, Беатрис чуть наклоняла голову, и мир исчезал, растворялся в чарующей прелести моей женщины. Я бегом поднимался на третий этаж, распахивал дверь квартиры, втягивал ноздрями запах свежего кофе, бросал пакет с круассанами на полку и смеялся, подхватывая Беатрис на руки. Смеялся, как никогда в жизни: ни до, ни после.

Вы знаете, что такое счастье, орки? Я – знаю.

И потому взгляд, который бросил я на наш старый дом на бульваре Гарибальди, был преисполнен грусти.

Дом, который я вспоминал с любовью и теплом, оказался обезображен черной вязью исполненных баллончиком ци-

тат, на балконах валялся скарб и сушилось белье, некоторые окна выбиты, входная дверь покосилась, а около нее ржавел остов разобранной машины. Глядя на который я вспомнил, что Генрих Наваррский оценил Париж в мессу.

Сейчас город не стоил даже отходной молитвы.

– Хочу посмотреть, – сказал я мрачно. – К тому же, в прошлый раз я, кажется, забыл на диване книгу.

– Книга находится в вашем кабинете, патрон, полка прямо над креслом для чтения, – негромко сообщил Захар, командир моих телохранителей. Он всегда был предельно сосредоточен и собран, знал, что мне нравится та книга, и не забыл забрать ее из оставленной квартиры. А я, получается, ни разу не вспомнил о ней с тех пор.

– Значит, хочу просто посмотреть.

– Да, патрон.

Захар вполголоса отдал необходимые распоряжения, и парни вошли в подъезд, обеспечивая мне проход на третий этаж...

Вы спросите, почему нам никто не мешал? Потому что мою безопасность обеспечивало семьдесят вооруженных до зубов бойцов при поддержке полусотни дронов различного предназначения, от ударных до РЭБ, и еще в воздухе барражировало четыре вертолета. Сентиментальность сентиментальностью, но рисковать я не собирался, людей взял исключительно опытных, и вооруженные туземцы Его превосходительства Исама Данияла и прочих местных превосходи-

тельств держались от нас на почтительном расстоянии, провожали злобными взглядами, но приближаться не рисковали. А гражданские благоразумно разбежались.

Вся Европа знала, что затянутых в черные комбинезоны орков нужно бояться, а мы были затянуты в черное от пяток до макушек.

– Мне очень жаль, патрон, – тихо сказал Захар, когда мы оказались в квартире.

Он, разумеется, бывал в нашем гнездышке в лучшие времена и не сдержался, увидев, в какую помойку превратили его захватившие квартиру туземцы: полы грязные, половина мебели отсутствует, на кухне – горы грязной посуды, полчища мух и вонь куркумы. В спальне появилась вделанная в стену цепь с ошейником, и не ясно, кого на ней держали – собаку или пленников. Впрочем, ясно: собака – животное грязное, в дом ее не пустят.

Цепь с ошейником стала последней каплей. Увидев ее, я молча протянул руку, и Захар вложил в мою ладонь термическую гранату. Я уже говорил, что он – идеальный офицер? Умный, догадливый, готовый в любой момент исполнить любой приказ.

– Не хочу, чтобы эти мрази испражнялись на мою память, – негромко сказал я, выставив запал на две минуты.

– Мы все сделаем, патрон, – прежним тоном произнес Захар. – Спалим дотла.

– Хорошо, – я бросил гранату в центр гостиной и напра-

вился к выходу.

Парни добавили свои гранаты, подлетевшие дроны сбросили зажигательные бомбы и пулеметными очередями отогнали тех, кто сдуру бросился тушить пожар. Квартал наполнился криками и черным дымом, меня проклинали и ругали, а я молча стоял посреди бульвара Гарибальди и смотрел на гибель дома, в котором провел две самые счастливые недели жизни.

***Федеральный суд
Южного округа
Нью-Йорк, США***

Маршалы провели женщин в «клетку ожидания», в которую уже были натолканы заключенные из других тюрем и полицейских участков, после чего стали по одной выводить в залы заседаний – их работало не менее десятка, и дела рассматривались в предельно ускоренном режиме. Те из заключенных, кому не повезло отправиться за приговором в числе первых, увидели своих адвокатов уже стоя перед судьей и не получив возможности подготовиться, остальные прилипли к решетке и занялись общением с защитниками, стараясь перекричать соседей. Что же касается Эрны, она повела себя, как все новенькие: принялась выкрикивать имя и махать руками, привлекая внимание стоящих по ту сторону клетки юристов, и вскоре выяснила, что назначенный ей бесплатный «советник» молод, мужского пола, белый, зато полон энтузи-

азма, основанного на том, что «Мисс Феллер, вы ведь не замыслили ничего противозаконного, правда? А значит, расшифровка полиграфа окажется в нашу пользу, и вы будете освобождены».

В теории так и должно было случиться, однако Эрну смущали четыре факта: ее защитник был бесплатным, молодым, мужского пола и белым, а все знали, что судья Аджамбо Малик терпеть не могла молодых белых адвокатов мужского пола и делала все, чтобы их подзащитные получали как можно большие сроки.

– Все будет в порядке, – пообещал адвокат.

– Надеюсь, – вздохнула Эрна, провожая взглядом Карифу: довольная мулатка направилась в зал суда в сопровождении длинноволосого Моргана Каплана, важно вышагивающего рядом с Амин на строгих, но чересчур длинных шпильках. Карифа еще в автобусе похвасталась, что «рiху» подгонят ей самого дорогого криминального адвоката Нью-Йорка, и не ошиблась ни в ожиданиях, ни в результате: в зале они пробыли меньше десяти минут, вышли смеясь, что-то обсудили, чуть не перебивая друг друга, после чего Амин отправилась в «клетку свободы», в которую маршалы загоняли счастливиц, а Морган поправил прозрачную защитную маску, которая не скрывала, а подчеркивала его красивое лицо, подошел к клетке и жестом подозвал Эрну:

– Милочка, это тебя мама в детстве назвала мисс Феллер?

– Почему вы спрашиваете?

– Меня зовут Энгельс, – пискнул бесплатный адвокат и попытался пожать знаменитости руку. С предсказуемым результатом:

– Пошел отсюда, – сквозь зубы велел Каплан.

– Но...

– Пошел вон! – повторил Морган, после чего вновь повернулся к Эрне и расплылся в деловой улыбке: – Меня попросили присмотреть за тобой, а чтобы все было по закону, ты должна подписать согласие на сотрудничество. – Морган вывел на планшет стандартный текст. – Черкни что-нибудь внизу страницы, даже крестика хватит, если при свидетелях.

Эрна кивнула и поставила автограф предложенным стилусом.

– Отлично! – Каплан быстро прочитал дело Феллер, хмыкнул и повернулся к маршалу: – Милочка, отведи нас в зал, а то мне еще нужно ехать в центральную тюрьму Бруклина спасать других несчастных из жерновов правосудия.

– Не ваша очередь, защитник.

– Милочка, ты серьезно?

Морган поднял идеально выщипанную бровь и чуть скривил идеально покрашенные губы, беззвучно обещая белому мужлану обвинения в расизме, нетерпимости и превышении служебных полномочий. Маршал вздохнул, открыл калитку и, не обращая внимания на протестующие крики ожидающих своей очереди заключенных, велел Эрне отправляться в зал.

– И снова здравствуйте, Ваша честь! – жизнерадостно произнес Каплан, застыв у своего места.

– Морган? Ты вроде говорил, что закончил на сегодня? – дружелюбно произнесла Малик, ощупывая новую подзащитную адвоката цепким взглядом. Судейское место отделялось от зала прозрачным стеклом, поэтому Аджамбо сидела в кресле без маски.

– Внезапно поменялись планы, Ваша честь. Выйдя из зала, я неожиданно увидел в клетке это несчастное создание... – Каплан дернул Эрну за руку, и она тяжело вздохнула. – ...и не смог пройти мимо. Только представьте, Ваша честь, что этому юному и такому милому ребенку наша безжалостная система подсунула бесплатного мужчину.

– Отвратительно, – с улыбкой согласилась Малик.

Выданная в тюрьме маска скрывала нижнюю часть лица Эрны, однако было видно, что девушка весьма красива, и Аджамбо машинально поправила волосы.

– Протестую, – подал голос заместитель прокурора Фернандес. – Гендерная принадлежность бесплатного защитника не имеет отношения к делу.

– Принимается, – кивнула судья. – Морган?

– Согласен с вашим решением, Ваша честь.

– Если никто не против, я предлагаю перейти к рассмотрению дела, – проскрипел Фернандес, которому предстояло сидеть в зале заседаний до вечера.

– В чем тебя обвиняют, милое дитя? – обратилась к Эрне

Аджамбо.

– Карантинный арест, Ваша честь, – по пути в зал Каплан велел вести себя максимально скованно, поскольку судье Малик нравились скромные и робкие девушки, и Эрна старалась изо всех сил. – Я возвращалась из Европы...

– Что ты делала в столь ужасном месте? Что там вообще делать приличной девушке?

– Я работала волонтером у «Врачей без границ».

– Ты врач?

– Нам нужны специалисты в разных областях, – всхлипнув, ответила девушка. – Я работала сиделкой и помогала в решении хозяйственных вопросов.

– Какое благородное занятие.

– А теперь решила вернуться домой, чтобы продолжить обучение.

– Прекрасно.

– Спасибо, Ваша честь.

– Почему же тебя не отпустили сразу?

– Мне это неизвестно, Ваша честь.

– Стандартный набор подозрений, – сообщил заместитель прокурора.

– В чем вы подозреваете эту милую и благородную девушку? – изумился Каплан.

Эрна снова всхлипнула.

– Фернандес?

– Арест производил не я, Ваша честь, – напомнил заме-

ститель прокурора.

– Хочу сказать, что, побывав в Европе, я осознала, что угрозы, от которых нас защищают доблестные сотрудники специальных служб, действительно существуют, – подала голос Эрна. Морган довольно кивнул и провел ладонями по юбке. – Я видела ужас, который творится в Европе, и не хочу, чтобы нечто подобное проникло в мою страну. У меня нет никаких претензий ни к Иммиграционной службе, ни к тюрьме Портового управления, я просто... – Эрна вытерла выступившие на глазах слезы. – Я просто хочу домой.

– Я хорошо тебя понимаю, милая, – судья перевела взгляд на обвинителя. – Есть что добавить?

– Допрос мисс Феллер прошла удовлетворительно, – неохотно протянул заместитель прокурора. – Но нужно отметить, что ИИ безопасности и правосудия не очень доволен результатом полиграфа...

– Фернандес, я даже отсюда вижу, что эти мелкие всплески не стоят и выеденного яйца, – громко произнес Морган. – Почему ты хочешь вернуть девочку в тюрьму порта?

– Отстань, Каплан, ничего я не хочу, – отмахнулся заместитель прокурора. Он изредка расслаблялся на вечеринках Зуботычины и после ее отстранения нервно реагировал на все упоминания тюрьмы Портового управления.

– Морган, не горячись, – попросила Малик.

– Прошу прощения, Ваша честь.

– Заместитель прокурора?

– Обвинение удовлетворено результатами проверки, Ваша честь.

– В таком случае, мисс Феллер освобождена в зале суда!

И стук судейского молотка показался Эрне божественной музыкой.

Однако в тюрьму пришлось вернуться. На отдельном, специально для «счастливиц», автобусе; неудачников, получивших сроки или продление карантинного ареста, оставили дожидаться вечернего рейса. Раньше маршалы возвращали заключенных скопом, со смехом наблюдая за драками, обязательно вспыхивающими между освобожденными и теми, кому не повезло, но после двух смертельных случаев «развлечение» запретили, поэтому Эрна и Карифа вернулись в тюрьму без приключений и в хорошем настроении. Которое стало еще лучше, когда им сообщили, что Зуботычина уехала обедать – встречаться с главной надзирательницей девушкам не хотелось даже сейчас, хотя формально они уже перестали быть заключенными. Они получили коробки с вещами и тут же, в «зоне освобождения», переоделись, с радостью вернув государству оранжевые комбинезоны и нижнее белье.

– А ты еще красивее, чем казалась, – негромко произнесла Карифа лаская взглядом без стеснения обнажившуюся девушку. – Оранжевое тебе не идет.

– Оранжевое никому не идет, – ответила Феллер, снимая и бросая на пол неудобный государственный лифчик. – Поганый цвет.

И улыбнулась, потому что ей нравилось слышать комплименты.

Эрна действительно была красива: густые каштановые волосы чуть ниже плеч, волнистые ровно настолько, чтобы создавать пышность, обрамляли худое лицо с тонкими чертами: высокие скулы, аккуратный прямой носик, изящные губы и узкий подбородок. Фигура скорее стройная, чем женственная: длинные ноги, тонкая талия, высокая, упругая грудь. Но в первую очередь все обращали внимание на глаза девушки: большие, карие, с пышными ресницами, они сразу приковывали к себе и не отпускали ни мужчин, ни женщин, как будто Эрна владела искусством гипноза. И сейчас, когда девушка переделалась и почувствовала себя свободной, они засияли нереальным, невозможным в тюрьме светом и понастоящему ошеломили мулатку.

– Пойдем? – спросила Эрна, забрасывая на плечо не слишком объемистый рюкзак.

– Это все твои вещи? – опомнилась Амин.

– А что?

– Мало.

– У тебя и этого нет.

– Хочу напомнить, что меня взяли во время морской прогулки на быстроходном катере, а ты возвращалась с другого

континента.

– Люблю путешествовать налегке.

– Настолько налегке?

– Если что-то понадобится – я куплю, – пожала плечами

Феллер.

– Ты не смогла нанять толкового адвоката.

– Я не собираюсь вечно сидеть без денег.

– Я помню: ты будешь вязать и продавать свитеры по бабушкиному рецепту.

– Вязать по бабушкиному рецепту, – поправила подругу Эрна, – а продавать – в соответствии с современными маркетинговыми технологиями. Кстати, ты решила выйти из бизнеса?

– Кстати, не вижу на тебе ни одной вязаной вещи.

– Я вяжу только на продажу.

Девушки вновь рассмеялись.

Их одежда оказалась на удивление похожей: джинсы, низкие кроссовки и футболки, у Карифы черная, без принта, у Эрны белая, с яркой красной надписью: «Never!» Поверх футболки Эрна носила короткую джинсовку, а Карифа – плотную, водонепроницаемую ветровку, надевать которую сейчас не стала, поскольку предназначалась куртка для ночной «прогулки по морю», а день выдался теплым.

– Тебе есть куда идти? – спросила Амин, когда они вышли из здания тюрьмы и направились к воротам порта.

– Мне вернули наличные, так что придумаю что-нибудь, –

пожала плечами Эрна. И поправила дыхательную маску. – На улице не останусь.

– Ты пользуешься наличными?

– Привезла из Европы.

– А-а... – Амин помолчала. – Пойдешь в отель?

– Надо же где-то жить.

– Согласна – надо, – Карифа уже поняла, что если у них с Эрной что-то и получится, то далеко не сразу, не хотела давить, но не могла не предложить: – Поживи у меня. – И тут же, испугавшись, что может быть неправильно понята, добавила: – Ничего такого, честно! Просто если нужно перекантоваться какое-то время, я с удовольствием помогу.

– Спасибо, – с чувством ответила Феллер, глядя мулатке в глаза. – Но мне есть куда податься: друг, который продолжает работать в Европе, разрешил пожить в его квартире.

– То есть жильем ты обеспечена?

– Да, – подтвердила Эрна.

– Надеюсь, ты не собираешься сидеть в четырех стенах?

– А что ты предлагаешь?

– Мы на свободе, подруга! – рассмеялась Карифа, разводя руки так, будто собиралась обнять весь квартал. – Нужно это отметить! А Нью-Йорк – лучшее место в мире, чтобы устроить вечеринку.

– Интересное предложение, – протянула Эрна, однако в ее голосе не чувствовалось уверенности, и Амин поняла, что Феллер ей все еще не доверяет.

– Я не настаиваю, но обещаю, что будет весело.

– В хорошем смысле?

Вопрос, а главное – тон, которым он был задан, заставили Карифу стать очень серьезной. Она остановилась, прикоснулась к руке новой подруги и тихо произнесла:

– Эрна, после того как ты призналась мне, что являешься биохакером, твое недоверие выглядит особенно обидным.

– Э-э... – Феллер сначала нахмурилась, обдумывая слова мулатки, затем рассмеялась и кивнула: – Вот тут ты права на сто процентов! – И тряхнула головой: – Извини.

– Ерунда, забудь.

Они миновали ворота, покинув территорию порта, и почти мгновенно рядом с ними остановился огромный розовый внедорожник, украшенный забавными изображениями вооруженных фей. Высыпавшие из машины пикси выглядели не столь забавно, многие – весьма опасно, однако сейчас ими владело хорошее настроение, которое требовало бесчисленных объятий и поцелуев, для чего пришлось снять маски:

– Карифа!

– Привет, Оити!

– Добро пожаловать на волю!

– Мы соскучились!

– Как тебе тюрьма? Они сделали ремонт в моей любимой камере?

– Шампанского?

Пробка с шумом вылетела из бутылки, и в руке Карифы оказался бокал:

– За свободу!

– За встречу!

– Налейте моей подруге, – попросила Амин. – Ее зовут Эрна.

– Привет, Эрна!

– А ты симпатичная, хоть и белая.

– Настоящая конфетка.

– Познакомилась с Зуботычиной?

– Только сегодня утром, – смеясь, рассказала Карифа. –

Перед поездкой в суд.

– Зуботычина небось все локти себе изгрызла? Она любит красивых белых.

– Старая сука едва не взвыла, когда маршалы забрали Эрну.

– Когда-нибудь сука получит свое.

– Тварь.

– Поехали веселиться? – длинная пикси, которую Амин назвала Оити, вопросительно подняла брови. – Ты с нами?

Карифа испытующе посмотрела на новую подругу.

– С вами, – с улыбкой подтвердила Феллер. И сделала большой глоток игристого вина, почувствовав, как алкогольные пузырьки весело бьют в голову. – Куда же я денусь?

– Вот и здорово!

– Поехали!

– Вечеринка!

– Как называется клуб? – спросила Эрна, забираясь во внедорожник.

– Какая разница?

– Отличное название.

* * *

Линкольн-парк

Ньюарк, Нью-Джерси

США

– Два самых лучших и самых «Больших хот-дога Эдди», – попросил Гуннарсон, облакачиваясь на прилавок. – Говорят, вкуснее хот-догов в Ньюарке нет.

– Кто говорит? – осведомился продавец, доставая изрядного размера булочки.

– Полицейские, – Гуннарсон кивнул на стоящий в сотне метрах патрульный седан. – Я спросил, где продаются лучшие хот-доги Нью-Джерси, и они отправили меня к тебе.

– Ты спросил у полицейских о хот-догах? – удивился Эдди, не отрываясь от готовки.

– Да, – кивнул Гуннарсон. – А в чем дело?

– Ты военный?

– Законопослушный.

– То есть из GS?

– Ты всегда такой любопытный?

– Извини, не знал, что ты под прикрытием.

Гуннарсон хмыкнул и подумал, что опознать в нем сотрудника действительно нетрудно: свободная, не стесняющая движений одежда – брюки и застегнутая до подбородка ветровка, под которой можно с легкостью спрятать оружие, даже укороченный автомат, мягкие и очень удобные тактические кроссовки, а в довершение – дыхательная маска «Carl Lewis», в которой стоят настолько мощные фильтры, что можно бегать в полной амуниции.

Внешний вид Гуннарсона говорил сам за себя: или бандит, или сотрудник, а тот факт, что он обратился за помощью к полицейским, сдал его с потрохами.

– Тебе с собой?

– Да.

– Хорошо... – Эдди перевернул сосиски. – Я служил во флоте и вояк издалека чую.

Судя по всему, продавец хот-догов был не прочь поболтать, и Гуннарсон подыграл:

– А что ушел? Надоело?

В том, что вышедший в отставку моряк продает на углу хот-доги, не было ничего странного, однако Эдди был слишком молод для пенсионера. А искусственная кисть левой руки не могла стать препятствием для дальнейшей службы. Кисть была отличной, ловкой, подвижной, как все пинги армейского образца, но прикрыта поганой псевдокожей – тоже армейского образца. Импланты военным ставили классные,

а кожа считалась роскошью, на нее интенданты не тратились.

– Ты пингер? – поинтересовался Эдди.

– Да.

– Где накрыло?

– В госпитале, – ответил Гуннарсон. – Я попал в него с легким ранением в плечо, а вышел с новыми руками.

– Повезло.

– Согласен.

– А меня накрыло в походе, – рассказал Эдди, ловко заворачивая первый хот-дог. – И не только меня... Слышал об авианосце «James E. Carter»?

– Ты был на корабле-призраке? – поднял брови Гуннарсон.

– И поверь, дружище, там было намного хуже, чем рассказывали в новостях. В течение дня некроз Помпео накрыл больше двух тысяч человек, и две трети из них погибли, потому что мы были чертовски далеко от берега... – он помолчал. – Мне повезло: я остался жив, но только потому, что друзья отрубили мне пораженную кисть. – Пауза. – С тех пор я не поднялся ни на одно судно.

– Сочувствую.

– Это было давно, – Эдди протянул Гуннарсону два свертка. – Твои хот-доги, приятель.

Судя по запаху, они были лучшими не только в Нью-Джерси, но на всем Восточном побережье.

– Почему он назначил встречу в центре города? – угрюмо спросил Гуннарсон, с подозрением оглядывая дома. – Хочет показать, что ничего не боится?

Агенты GS сидели в массивном черном внедорожнике, с виду обыкновенном, какие сотнями сходят с конвейера, в действительности – бронированном, обеспечивающем пассажирам защиту от пуль и осколков. Для здоровяка Гуннарсона хватило бы и обыкновенной машины, но специальный агент Фаусто Конелли руководил большим отделом, ведущим серьезное расследование, и не имел права отправляться на миссию без охраны и в незащищенном автомобиле.

– Или Орк нас боится?

– Чего ему бояться? – с легким удивлением осведомился Конелли.

– Того, что мы его арестуем.

– За что?

Теперь настало время изумляться Гуннарсону.

– Он обрушил рынок «гильз»! Корпорации и налоговая готовы его порвать!

– Орк сделал «гильзы» доступными для всех, – поправил телохранителя Фаусто. В обычном случае эта фраза могла стоить ему карьеры, но Конелли точно знал, что внедорожник не прослушивается, а Гуннарсон не донесет.

– То есть ты за него?

– Я ни за кого, – объяснил Конелли. – Я не могу доказать, что человек, который явится на встречу, действительно производит дешевые «гильзы».

– Арестуем и докажем, – буркнул здоровяк. Заметил выразительный взгляд Фаусто, помолчал и спросил: – Для чего же ты назначил встречу?

– Мне интересно с ним познакомиться.

– Серьезно?

– А что такого?

– Мы ехали в эту глушь, чтобы ты смог познакомиться с Орком? Просто познакомиться?

– Да, только для этого, – хладнокровно подтвердил Конелли. – Ну и для того, чтобы съесть лучшие в Ньюарке хот-доги. Кстати, спасибо.

Однако Гуннарсон его не слушал:

– Орка нужно арестовать.

– Орк не согласился бы на встречу, если бы чувствовал опасность, – притворно вздохнул Конелли. – Я дал слово, что не обману.

– Нарушь слово! – вновь взвился Гуннарсон. В его представлении возможность арестовать одного из самых загадочных людей последнего времени, пусть даже без всяких на то оснований, перевешивала все возможные потери, но у Фаусто был свой взгляд на происходящее:

– Сейчас Орк дал понять, что готов не только общаться

по сети, но и доверять мне. А значит, с ним можно договариваться...

– О чем?

– О том, что нам потребуется, – пожал плечами Конелли. – Однако Орк наверняка принял меры предосторожности, и если мы попытаемся его обмануть – исчезнет и больше не появится.

– Возможно... – протянул после паузы Гуннарсон. – Возможно...

Могучий афрошвед (а родители Олафа приехали в Штаты из Стокгольма) отличался высоким ростом: два метра и три сантиметра, соответствующей шириной плеч и весом. На тренировках он с легкостью разбрасывал лучших бойцов GS, в качестве «ручного» оружия предпочитал использовать пехотный пулемет, однако ничем другим похвастаться не мог и давно понял, что спорить с умным Конелли не имеет смысла – все равно проиграешь. Поскольку, в отличие от афрошведа, специальный агент Конелли окончил не только Академию GS, но и полный курс Нью-Йоркского университета по специальности «Юриспруденция».

И ни дня не служил в армии.

– Что будем делать?

– Идем в дом.

– Я запущу пару дронов.

– Орк сказал: «никаких дронов».

– Плевать я хотел на то, что он сказал. Без прикрытия я

внутри не полену.

– Значит, останешься здесь.

– Фаусто! – Агент GS Гуннарсон находился в подчинении у специального агента GS Конелли, но работал с толстяком так долго, что иногда позволял себе забывать о субординации. – Зачем?

– Во-первых, Орк гарантировал безопасность. Во-вторых, мне нужна эта встреча. – Конелли с трудом открыл тяжелую дверь внедорожника: – Ты со мной?

Несколько мгновений афрошвед пристально смотрел на сосредоточенного Фаусто, после чего вздохнул:

– А куда я денусь?

И тоже полез из машины.

– Никаких дронов.

– Понял я, понял, – Гуннарсон одернул куртку, чтобы висющий в наплечной кобуре автоматический «Глок» не сильно выделялся, и последовал за неугомонным руководителем.

А Фаусто как раз подошел к неприметной двери в переулке, которая могла оказаться черным ходом ресторана или магазина. Но не оказалась. Не успел Конелли постучать – звонок или кнопка интеркома отсутствовали, как дверь автоматически открылась и бесшумно захлопнулась, как только агенты оказались на площадке ведущей вниз лестницы.

– Нора есть, а где кролик? – проворчал Гуннарсон.

– Что ты сказал? – рассеянно переспросил Фаусто.

– Я молчал.

– Хорошо.

– Если потребуется убежать, то выбить эту дверь я не сумею – она металлическая, да к тому же открывается вовнутрь. Так что мы в ловушке.

– Как скажешь...

Афрошвед вновь вздохнул.

Лестница оказалась довольно длинной, крутой и без пролетов: просто тридцать плохо освещенных ступенек вниз, после чего агенты оказались на маленькой площадке перед следующей дверью. В углу висела незамаскированная видеокамера, и Конелли демонстративно выставил перед объективом ладони:

– Я не вооружен.

– Мы знаем.

– У меня с собой «Глок», – нехотя произнес Гуннарсон.

– Мы знаем, – повторили из-за двери. – Не вынимайте его из кобуры, пожалуйста.

– Зависит от вас.

– Вам ничего не угрожает.

Дверь открылась, и агенты увидели трех вооруженных мужчин, лица которых скрывали маски.

– Вас ждут.

Фаусто сделал торопливый шаг, но тут же замер от неожиданности, сообразив, что оказался в пингерхосте⁷, причем в

⁷ Пингерхост (от англ. ping – жужжать и hostel – общежитие) – убежища, ночлежки для нищих пингеров, в которых они могут рассчитывать на бесплатную

самом дешевом, предназначенном для тех, кто не в состоянии позволить даже поддельную «гильзу». Оказался на самом дне.

– Что-то не так, агент? – с едва заметной издевкой осведомился старший из встречающих.

– Нет, все в порядке, – медленно ответил Конелли. – В полном порядке.

И подумал, что если Орк хотел вывести его из равновесия, то он выбрал едва ли не идеальный способ, потому что Фаусто окружал оживший кошмар... Стандартный для подвальных пингерхостов, в которые крайне редко заглядывают лощеные представители известных благотворительных организаций.

Нищета и безысходность.

Обнаженные, не прикрытые даже самой дешевой псевдокожей, протезы жужжали на все голоса, от высоких, тонких, до хриплых и басовитых, жужжали от старости и плохого обслуживания. Новых пингов не видно, в основном сломанные и кое-как починенные найденными на свалке или купленными у старьевщика запасными частями, часто не подходящими по размеру. Гарантия на установленные по государственной страховке импланты заканчивалась через год, и дальше беднякам предоставлялась возможность выкручиваться самостоятельно.

– Некоторые родители продают свои пинги, чтобы купить

или отремонтировать протезы детям.

– Зачем ты это рассказываешь? – дернул головой Фаусто.

– Он велел, – ровным голосом ответил охранник.

– Зачем?

– Хотел напомнить тебе о мире, о котором вы будете говорить.

– Мы будем говорить о мире? – растерялся Конелли.

– Я всего лишь передал его слова, – сухо сказал охранник.

И указал на дверь: – Тебе сюда. – После чего преградил дорогу шагнувшему следом Гуннарсону: – А тебе – нет.

– Мы вместе, – попытался возмутиться афрошвед, но услышал равнодушное:

– Не вместе.

– Все в порядке, Гунни, я сам напросился на встречу.

– Именно напросился, – усмехнулся старший охранник. –

Он ждет.

И пропустил Фаусто внутрь. В еле освещенную, как знаменитая студия, комнату, в которую вели две двери, а обстановку составляли два кресла.

– Располагайтесь, специальный агент Конелли, – вежливо предложил сидящий в одном из них мужчина, сделав приглашающий жест рукой. Несмотря на то что его скрывал царящий в комнате полумрак, Орк принял дополнительные меры предосторожности: надел бесформенный плащ и низко нагнул капюшон на лицо. А вот более надежной маской почему-то пренебрег, благодаря чему Фаусто смог разглядеть,

что лицо Орка украшает короткая бородка. Но и только. На руках – темные перчатки. Голос явно изменен.

– Вы кажетесь смущенным, специальный агент Конелли, – продолжил Орк после того, как Фаусто устроился напротив. Орк много и, кажется, машинально, жестикулировал, и складывалось впечатление, что его руки были полноценными участниками разговора.

– Немного, – не стал скрывать агент. – Зачем вы провели меня через пингерхост?

– Вы столь чувствительны к страданиям других?

– Хотели выдавить из меня слезу?

– Хотел увидеть, остались ли вы человеком.

– Проверяете, могу ли я испытывать жалость?

– Сочувствие, – поправил Конелли Орк. – И стыд.

– Мне нечего стыдиться, – помолчав, ответил Фаусто.

– Разве вы не хотите сделать мир лучше, специальный агент Конелли?

– Я просто делаю свою работу. Я не виноват, что вирус обошел меня стороной! – почти выкрикнул Фаусто. И тут же умолк, поняв, что повел себя именно так, как хотел Орк, – проявил эмоции.

– Хорошо, – очень тихо сказал тот. И, наверное, улыбнулся.

И Фаусто не нашел ничего лучше, чем перейти в атаку:

– Вы тоже не пингер.

– Вы этого не знаете, специальный агент Конелли.

– Разве я ошибся?

– Нет, – выдержав не очень длинную паузу, ответил Орк. –

Но как вам удалось не ошибиться?

– Не нужно так много жестикулировать.

– Хочу напомнить, что современные пинги в точности копируют естественные движения человека.

– Еще не в точности, – улыбнулся Фаусто. – Я вижу минимальные погрешности движений.

– Без аппаратуры?

– Без.

– Это невероятно, – в голосе Орка послышалось искреннее уважение. – Я поражен.

– Я очень внимательный... Кстати, ваши последователи знают, что вы не пингер? – Фаусто решил, что у него получилось перейти в наступление, но ошибся.

– Вы считаете, что это обстоятельство смутит их, специальный агент Конелли? – поинтересовался Орк.

– Почему нет? Вы ведь отстаиваете права пингеров.

– Именно.

– А сами...

– Да, некроз Помпео пока обошел меня, – плавно перебил агента Орк. – И это идеальная ситуация, поскольку враги не смогут обвинить меня в лицемерии. И я не отстаиваю права пингеров, специальный агент Конелли, мне жаль, что вы до сих пор этого не поняли. Я выступал, выступаю и буду выступать против дискриминации пингеров, поскольку вижу в

них людей и никого больше. Это моя принципиальная позиция, которую я буду жестко отстаивать.

– Все видят в пингерах людей.

– Разве?

– Мы ведь не говорим о радикалах? – поморщился Фаусто. – Что же касается правительства...

– Мир изменился, специальный агент Конелли, – вновь перебил его Орк. Он умел перебивать, вклинивался между словами собеседника, очень плавно, быстро, но неторопливо увеличивая мощь голоса, и Фаусто показалось, что он сам замолчал, вежливо позволяя Орку высказаться. – Люди стали другими, они чувствуют себя другими, и у многих... поверьте, специальный агент Конелли – у многих появился соблазн сделать из пингеров рабов.

– Вы фантазируете? – Фаусто перебил собеседника топорно, громким восклицанием, но Орк не обиделся.

– Фантазирую? Фантазии давно стали реальностью, специальный агент Конелли. Разве десять лет назад вы могли представить, что больше половины жителей Земли получают нейрочип в затылок и протезы, ничем отличающиеся от настоящих конечностей? Вы не ловили себя на мысли, что мы живем в чьей-то книге, специальный агент Конелли? Если ловили, то напрасно, потому что жизнь сложнее вымысла, и даже оказавшись на страницах романа, живые люди начинают устанавливать собственные правила поведения. Пингеры зависимы от «гильз», пинг-мастеров, программного обеспе-

чения... от многого. Пингеры уязвимы, но при этом – сильные, и я не хочу, чтобы попытка обратить их в рабов закончилась глобальным хаосом. Не хочу, чтобы все страны прошли через то, что довелось хлебнуть Европе. А теперь ответьте, зачем вы искали со мной встречи, специальный агент Конелли?

– В первую очередь, чтобы убедиться в вашем существовании, – спокойно ответил Фаусто, который ждал этого вопроса и подготовился к нему. – Уж извините.

– Вы гонялись за мной целый год и не были уверены, что я существую? – притворно удивился Орк.

– Если бы я гонялся, мы встретились бы намного раньше.

– Чем же вы занимались все это время? – с любопытством осведомился Орк, оставив самоуверенное замечание без комментариев.

– Мне было поручено изучить вашу организацию.

– Разве это законно?

– Законность проверки обусловлена подозрением в террористической деятельности.

– Я не давал повода.

– Нам достаточно подозрений и... ваших пикетов.

– Я не несу ответственности за действия капелланов.

– Повторите эти слова, стоя перед ними?

– Для начала поставьте меня перед ними, специальный агент Конелли.

– Хорошо, – кивнул Фаусто. – Оставим капелланов, подо-

зрений в терроризме вполне достаточно.

– Резко выраженного несогласия уже достаточно, чтобы человека записали в террористы?

– Всегда было достаточно.

– Ценю вашу искренность, специальный агент Конелли.

– Я знал, что вы поймете.

– Итак, вы узнали, что я настоящий, – кажется, он вновь улыбнулся. – На этом расстанемся?

Больше всего на свете Фаусто хотел броситься на собеседника, откинуть капюшон и увидеть его лицо, но он прекрасно понимал, что за их встречей наблюдают и, сделав лишнее движение, он вполне может словить пулю. А даже если не наблюдают – ему все равно не уйти живым.

– Вы торопитесь? – осведомился Конелли.

– У меня достаточно дел.

– В таком случае, почему вы согласились на встречу?

– Хороший вопрос, специальный агент Конелли, – одобрил Орк. – И не всякий человек наберется смелости задать его мне.

– При чем тут смелость? – Фаусто растерялся настолько, что стал ерзать в кресле.

– Все боятся услышать в ответ: «Со скуки», – объяснил Орк. – Но не волнуйтесь, вы не услышите. Я потратил на вас время, потому что вы мне интересны, специальный агент Конелли.

– Чем?

– Вы бегаєте за мной целый год и узнали о моей организации очень много, – пожал плечами Орк. – Намного больше, чем все, кто следил и продолжает следить за мной, вместе взятые.

– Я узнал ровно столько, сколько вы мне позволили.

– Хорошо, что вы это понимаете, специальный агент Конелли, – мягко ответил Орк и сделал едва заметное движение, как будто собрался встать с кресла. И тем заставил агента заторопиться.

– Мне поручено осведомиться о ваших планах, – быстро произнес Фаусто. – Если, конечно, вы соблаговолите ими поделиться.

– А если не соблаговолю?

– Выводы будут сделаны в любом случае, – дал очевидный ответ Конелли. – Но сейчас вы можете на них повлиять. Ведь вы, полагаю, намного лучше меня знаете силу Слова.

– Давайте обойдемся без лестии, – предложил Орк.

– Я должен был попробовать.

– Жаль, что вы уже нашли себе работу.

– Которая меня полностью устраивает.

– Не сомневаюсь, – Орк помолчал. – Мои планы и просты, и сложны одновременно, специальный агент Конелли. Я знаю, что изменение мира не завершено, знаю, что в ближайшее время нас ждут потрясения – новый мир всегда рождается в муках и крови, – и хочу помочь людям остаться людьми.

– Для этого вывели на улицы проповедников?

– А вы хотели увидеть на улицах психоаналитиков?

И Конелли вздрогнул, вдруг почувствовав себя дураком.

– Слово Божие имеет уникальное свойство находить дорогу к душам людей, – размеренно продолжил Орк. – Я просчитывал разные варианты, специальный агент Конелли, и понял, что проповедники вызовут доверие у большинства, такова статистика, и потому обратился к церковникам, – Орк помолчал. – Людям нужно слышать простые истины, специальный агент Конелли, нужно слышать честные слова, и капелланы со своей задачей справляются.

– А сами веруете? – неожиданно вырвалось у Фаусто.

Он понимал, что вопрос провокационный, и не сомневался, что Орк уйдет от ответа. И ошибся.

– Я верю не настолько, чтобы использовать Слово Божье по велению души, но настолько, чтобы обратиться к нему по необходимости.

– Спасибо за честный ответ.

– Обращайтесь, специальный агент Конелли. Я ожидал, что с вами будет интересно, и рад, что не ошибся.

– Мы можем рассчитывать на вашу лояльность? – задал самый главный вопрос Фаусто.

И на этот раз услышал ожидаемое:

– Я не собираюсь заниматься политикой, специальный агент Конелли, я обращаюсь к людям, а не к избирателям, и прошу их оставаться людьми. В этом суть моих устремле-

ний. И если какой-нибудь политик разделит мой взгляд на будущее, я с радостью протяну ему руку.

– Но пока вы не видите того, кого бы могли поддержать.

– Я этого не говорил.

Но оба они знали, что говорил: во всяком случае, именно так Орк думал.

– Вы понимаете, что сильно рискуете? – неожиданно для самого себя спросил Фаусто. – Пингеры действительно такие же люди, как все, в этом я с вами полностью согласен. Но это означает, что большинство из них законопослушны и будут бороться за свои права, поддерживая наиболее убедительного политика. Максимум – митинг. Ни на что большее вы их не сподвигнете.

– Я рад, что не ошибся на ваш счет, – медленно протянул Орк.

– Не ошиблись в чем? – заинтересовался Фаусто.

Однако ответа не услышал.

– Вы когда-нибудь думали, что пережили пингеры, специальный агент Конелли? – продолжил Орк. – Некроз Помпео развивается очень быстро, у врачей есть считанные часы для ампутации поврежденного участка, если не успеют – очаг распространится на соседние кости, что, скорее всего, приведет к летальному исходу... Каждый пингер об этом знает и знал, когда корчился от боли. Каждый пингер, специальный агент Конелли, в какой-то момент не был уверен, что выживет. Понимаете, что я имею в виду? Каждый пингер

прикасался к смерти, чувствовал ее дыхание на своем лице, а на них собираются жестко надавить... Как думаете, специальный агент Конелли, что случится, если однажды наши политики крепко разозлят огромное количество людей, которым довелось побывать мертвыми? Вы представляете, что тогда будет?

Орк говорил неспешно, спокойным, ровным голосом, но Фаусто прекрасно понял, что имеет в виду сидящий перед ним мужчина, и сглотнул:

– Это угроза?

– Ни в коем случае, специальный агент Конелли. Это возможный вариант развития событий, от которого я совершенно не в восторге. И которого всеми силами стараюсь избежать.

– Когда я передам ваши слова, вас прикажут убить.

– К сожалению, да, – согласился с агентом Орк.

И тем вновь ошарашил специального агента.

– И вы меня отпустите?

– Если я вас не отпущу, меня тоже прикажут убить.

– Пожалуй, – Фаусто улыбнулся. Совершенно неожиданно для себя. – Я передам ваши слова в точности и обязательно добавлю, что в них нет угрозы.

– Вас не услышат, специальный агент Конелли.

– Почему?

– Потому что решение уже принято, мир должен измениться полностью, а пингерам уготовано рабство.

Фраза прозвучала без пафоса и без надрыва, прозвучала констатацией факта – и потому прозвучала страшно.

– А вы будете драться, чтобы этого не случилось? – едва слышно уточнил Фаусто. И зачем-то добавил: – Не для протокола.

– Обязательно, – подтвердил Орк.

– Один против всех?

– Это не важно, специальный агент Конелли, значение имеет только то, что я прав, а значит, сокрушу всех, кто встанет на моем пути.

– Но как?! – воскликнул Фаусто. – Как вы сокрушите всех?

И вздрогнул, услышав короткий, очень уверенный ответ:

– Без пощады.

* * *

«Bolivar Enterprise»

Манхэттен, Нью-Йорк

США

Никаких окон.

Джехути Винчи мог спать где угодно, когда угодно и в любом положении. Его жизнь была насыщена событиями, поэтому он никогда не пренебрегал возможностью отдохнуть, но лучше всего высыпался в комнатах без окон. Только дверь. Один проем, через который можно попасть внутрь и

который легко держать под контролем, и потому в Нью-Йорке Джа всегда останавливался в апартаментах, принадлежащих его старому другу, владельцу клуба «Bolivar Enterprise», которые тот охотно сдавал в аренду. Четыре просторные комнаты располагались на тридцать седьмом этаже одной из манхэттенских башен, и Кот специально сделал в них спальню без окон. С многочисленными зеркалами, удобнейшей кроватью, прекрасной системой вентиляции, но без окон. И потому, помимо тишины и спокойствия, комната погружала гостя в абсолютную тьму.

Которую, кажется, можно было потрогать руками.

И в которую Джа любил смотреть.

В нее или сквозь нее.

Он просыпался, лежа на спине, или, проснувшись, переворачивался на спину, раскрывал глаза и ничего не видел. Но продолжал смотреть, чувствуя себя частью ночи, странным сгустком тьмы, зачем-то ощутившим себя живым и обладающим волей. Смотрел во тьму и представлял, что она и есть мир.

Тихий, спокойный, абсолютно черный мир.

Джа нечасто мог поваляться в постели, но когда мог – наслаждался мгновением, баловал себя, зная, что многие последующие ночи ему придется спать одетым, просыпаться мгновенно и хорошо, если по будильнику, а не от подозрительного шороха или автоматной очереди...

Винчи любил эти мгновения безделья, но не затягивал

пребывание в кровати, и странный стукоты тьмы вскоре поднялся, потянулся, разминая мышцы, надел легкие шаровары и вышел в гостиную. Сразу же услышал стоны справа, но не обратил на них внимания, вытащил из мини-бара бутылочку с водой, открыл, жадно выпил, бросил бутылку на пол, взял вторую, сделал пару шагов, уперся рукой в толстое стекло панорамного окна и принялся разглядывать лежащий под ногами Центральный парк. «Bolivar Enterprise» занимал шесть верхних этажей башни, первый – технический, затем три основных, а два самых верхних представляли собой апартаменты, которые можно было снять и на час, и на год. Стоила услуга недешево, но Джа мог рассчитывать на скидки.

И теперь любовался видом, доступным исключительно миллионерам. Разглядывал едва различимых с высоты людей, резвящихся над водой пинггер-дронов, дома напротив, машины на улицах... наслаждаясь простой и очень приятной картинкой обычного утра.

Закончив пялиться на город и допив воду, Джа повернулся и наконец обратил внимание на источник тягучих стонов, которым являлась короткостриженная девушка лет двадцати, худенькая и гибкая. Полностью обнаженная, она извивалась на кожаном диване, лаская свои бедра и маленькую грудь, а от ее maNika тянулся кабель к «генератору оргазмов», запрещенному в большинстве штатов устройству, посылающему в нейрочипы импульсы эйфории. Привыкание «генератор» вызывал быстро, соскочить с него получалось не у всех, и

не было ничего удивительного в том, что девушка подключилась к устройству, едва его увидев.

Удивление вызывал тот факт, что Кот оставил эту дрянь в апартаментах.

Джа проверил частоту оргазмов, убедился, что девушка не забыла выставить таймер, то есть не затрахается до смерти, и отправился открывать дверь.

– Решил, что тебе не повредит завтрак, – усмехнулся Кот. Вошедшие за ним официанты споро накрыли столик у панорамного окна и удалились, оставив друзей одних. – Все, как ты любишь: тосты, омлет, бекон, сосиски, круассаны.

– А если бы я еще спал? – хмыкнул Джа, выпив бокал апельсинового сока двумя жадными глотками.

– Я знаю, во сколько ты просыпаешься.

– Еще пара таких признаний – и я на тебе женюсь.

– Для этого тебе придется сделать серьезную операцию.

– Об этом я не подумал.

Мужчины рассмеялись.

Кот выглядел мощнее Винчи, был выше на полголовы, шире в плечах, плотнее и внешне напоминал его старшего брата: круглое лицо, русые волосы, густая борода до груди. В действительности они не были родственниками, но знали друг друга так давно, что могли считаться братьями.

– Как провел ночь?

– Неплохо, – Джа положил в тарелку омлет с беконом и взял в левую руку тост. – Девушка проявила себя энергичной

выдумщицей и казалась нормальной.

– Сара конкретно подседа на генератор и готова подключаться к нему каждую свободную минуту, – только сейчас Кот бросил быстрый взгляд на стонущую девушку. – Вчера вы так быстро ушли, что я не успел тебя предупредить.

– Ерунда, – махнул рукой Винчи. – Ночь в любом случае прошла великолепно, а дальше... вряд ли я с ней еще когда-нибудь увижусь.

– Ну и правильно.

Некоторое время они ели молча, однако чувствовалось, что Кота подмывает развить тему: он то и дело бросал на Сару взгляды, разумеется не плотоядные, морщился, как человек, который не знает, с чего начать разговор, и когда Джа закончил с круассанами и от завтрака остался только кофе, решился на вопрос:

– Ты пробовал? – Кот не был пингером и понятия не имел, что переживает подключившийся к генератору человек. Но ему было интересно.

– Пробовал, – кивнул Винчи, отставляя чашку и начиная сворачивать самокрутку.

Даже сейчас, будучи голым по пояс, он не казался пингером, но только благодаря мастерству хирургов и великолепной, самой дорогой в мире псевдокоже, которая идеально скрывала шрамы: обе руки Джа были полостью искусственными, а значит, усилен, а то и вовсе заменен позвоночник. Винчи не стеснялся того, что пингер, но не выставлял это

напоказ.

– Зачем ты подключался к генератору?

– Я и героин пробовал.

– Просто чтобы попробовать?

– Молодой был, глупый, – Джа раскурил самокрутку и запил первую затяжку горячим кофе.

– И как?

– Приход получился слабым, с женщиной интереснее.

– Я про генератор.

– Я тоже.

Кот усмехнулся и продолжил:

– Говорят, цепляет очень сильно.

– Во-первых, мужиков генератор цепляет слабее, во-вторых, это всего лишь симуляция. Нет массы сопутствующих ощущений, очень важных для полного погружения в секс.

– И ты все это понимал? – недоверчиво прищурился Кот. Он не курил, поэтому чуть отодвинулся, чтобы оказаться подалеже от дыма.

– Понимал, но не в момент оргазма, – не стал скрывать Винчи. – А когда очнулся, решил, что генератор не для меня.

– И что?

– И ничего, – Джа помолчал. – Гомосексуалистам генератор очень нравится.

– Понятно.

– Ага.

Сара взвыла и скатилась с дивана. Стукнулась головой о

пол, изогнулась, замерла, напряженная настолько, что вот-вот порвется, вновь взвыла и забилась в судорогах.

– Она выставила таймер?

– Ага, – безразлично повторил Джа, стряхивая пепел в пустую тарелку: курить в апартаментах строго запрещалось, и пепельница на столе отсутствовала.

– Тогда все в порядке, – Кот помолчал. – Тебя это не смущает?

– Пусть орет.

– Я имел в виду другое: ты трахал Сару всю ночь, а она, едва проснувшись, побежала к генератору.

– Может, ей стало скучно, – предположил Винчи, прищуриваясь на башни с другой стороны Центрального парка.

– Не смущает?

Джа понял, что Кота происходящее отчего-то задело, вздохнул и посмотрел другу в глаза:

– Брат, я не знаю, как тебе ответить, но я точно знаю, что никогда не стану соревноваться с машиной. Ночью я получил от Сары все, что хотел, а как она проводит свободное время, меня не касается.

– Но... – Кот хотел перебить Винчи, однако тот не позволил:

– Мир стал другим, брат, многие перестали понимать, люди они или уже нет, а ты спрашиваешь, ревную ли я к металлическому ящику, посылающему в maNika обдолбанной девки сигналы бурного оргазма. Как мне ответить?

– Ты не считаешь себя человеком? – изумился Кот, среагировав на не самую важную фразу друга.

– Считаю, – твердо ответил Джа. – Поэтому не собираюсь ревновать к машине.

– Люди ревнуют к чему угодно.

– Она мне никто.

– Поэтому я говорил не о ревности, а...

– Я помню, о чем ты говорил, – Винчи выдержал короткую паузу. – И на тот вопрос ответ будет таким же: нет. Я знаю девчонок, которые специально вживляли maNika, чтобы попробовать генератор, а попробовав, навсегда слетали с катушек.

– Таких уйма, – подтвердил Кот.

– Они – обычные наркоманы, генератор для них – тот же шприц, и если бы Сара закинулась после ночи со мной, тебе и в голову не пришло заводить об этом разговор.

– Пожалуй, ты прав, – признал Кот.

– К сожалению, – Джа затыкнулся последний раз и бросил окурочек в недопитую чашку кофе. Показывая, что тема его больше не интересует.

Мужчины помолчали, любясь прекрасным видом, а затем Кот негромко сказал:

– Женщина, о которой ты спрашивал, будет сегодня в клубе.

– Точно? – поднял брови Винчи, продолжая изучать соседние крыши.

– Да.

– Спасибо.

– Не за что, но... – Кот поднял указательный палец, заставив друга сосредоточиться, и очень серьезно спросил: – Ты уверен, что хочешь с ней связаться?

– А что не так? – почти беззаботно осведомился Джа, откидываясь на спинку стула и закладывая руки за голову.

– Лариса Феллер – стервозная сука, увлеченно прожигающая жизнь на глазах мужа. Она меняет любовников каждый вечер, а иногда – несколько раз за вечер.

– Как раз то, что мне нужно: никаких обязательств, – прежним тоном ответил Винчи, однако его серо-стальные глаза несколько похолодели.

– Она тебе настолько понравилась?

– Да, – негромко подтвердил Джа.

– Бывает... – Кот помолчал. – Но знай, что Лариса сама выбирает, с кем трахаться.

– Значит, сегодня ее ждет сюрприз.

– Она известна дурным характером и мстительностью, если решит, что ты ее обидел – закопает так, что не найдут.

– Кто будет закапывать? Ее любовники?

Кот коротко рассмеялся и покачал головой:

– Будь у меня хоть половина твоей самоуверенности, я бы владел всей этой башней.

– Хочу напомнить, что у меня нет даже одного этажа, – притворно вздохнул Винчи. – Довольствуюсь арендой трех-

комнатной конуры.

– Вообще-то четырехкомнатной.

– Не придирайся к мелочам.

– И здесь почти полторы сотни квадратных метров...

Ответить Джа не успел: Сара отстегнула кабель, поднялась с пола и осоловело посмотрела на мужчин. Затем подошла к столику, без спроса взяла кувшин с апельсиновым соком и принялась жадно пить. Ее была несильная дрожь.

– Ковер, полагаю, придется чистить, – произнес Кот, кисло разглядывая голую девушку. – И диван.

– Как скажешь.

– Я включу химчистку в счет.

– Почему платить должен я? – изумился Винчи.

– Потому что ты ее привел.

– Из твоего клуба.

– Не придирайся к мелочам.

– Вы говорите обо мне?

Сара подошла к окну и замерла, уперевшись лбом в холодное стекло.

– Это тоже ответ на твой вопрос, брат, – негромко сказал Джа, раскуривая следующую самокрутку. – Наркоманы лишают себя массы простых удовольствий.

– И чего же она лишилась?

– Никто ей не улыбнулся и не сказал: «Доброе утро!»

– Вы просто трахались, – дернул плечом Кот. – Какое, к дьяволу, «Доброе утро!»

– Я всегда говорю, – хмыкнул Винчи. – И целую. И, если успеваю – приношу кофе. Мне нравится, как они улыбаются по утрам: растрепанные, сонные и очень-очень милые. И как они тянутся к тому, кто проявил о них заботу. – Пауза. – Просто так.

Несколько мгновений Кот изумленно смотрел на друга, а затем с уважением покачал головой:

– Теперь я понимаю, почему все нью-йоркские девчонки от тебя без ума.

* * *

*Исследовательский центр «Feller BioTech»
Санта-Круз, Калифорния
США*

Известность приходит к человеку по-разному. Кто-то становится героем. Кто-то талантливо играет роль. Кто-то пишет великую книгу. Ставит спортивный рекорд или становится «любимцем нации», удачно пошутив в эфире. Совершив преступление или подвиг. Или придумав нечто такое, что поможет цивилизации шагнуть вперед.

Изобретатели, открывающие людям новые горизонты, всегда были в цене, а их «золотое время» пришлось на конец XIX – начало XX веков, когда на весь мир гремели имена Теслы, Форда, Сикорского, а их открытия приводили публику в изумление и восторг. В те времена люди понимали, кто

действительно работает не только на свое благосостояние, но и на будущее человечества, и чувствовали их.

Затем на пьедестале общественного внимания изобретателей и промышленников надолго сменили политики и актеры, светские львицы, модные певцы, пошлые куплетисты, истерики, скандалисты, неменяемые фрики, городские сумасшедшие и прочие «яркие личности», составляющие грандиозный, захвативший всю планету цирк уродов. На какое-то время показалось, что люди перестали интересоваться чем-то, кроме развлечений, что возобладал принцип «хлеба и зрелищ», но колесо совершило очередной оборот, перед цивилизацией встали новые вызовы, и на первые страницы вернулись те, кто умеет делать: авторы потрясающих открытий и выдающихся изобретений.

И поэтому каждое выступление Биби Феллера, гуру современного мира, человека, изменившего цивилизацию, становилось событием. И ничего удивительного в этом не было, поскольку именно в принадлежащем Биби «Feller BioTech» был разработан нейрочип maNika и первые современные пинги, спасшие цивилизацию от заразы Помпео и позволившие людям вернуться к полноценной жизни. А поскольку некроз продолжал оказывать влияние на жизнь планеты, Феллер по-прежнему владел умами людей.

– Привет, Америка! С тобой Биби Феллер, и я нахожусь на борту исследовательской подводной лодки «Эрна». Вы спросите: какого черта я тут делаю? Нет, я не отправился на ры-

балку, все намного интереснее...

Биби исчез из кадра, и зрители увидели изображение бескрайней водной глади.

– Океан всегда привлекал наше внимание, манил гигантскими возможностями, но ревностно оберегал от нас свои секреты. Ведь мы ему чужие, мы жители суши, мы не умеем плавать, как рыбы, и дышать под водой. Первобытная стихия заставляет нас держаться на расстоянии и жадно изучать лишь то, до чего он позволял дотянуться – и только. А ведь океан занимает огромную часть планеты. Под невысказанной толщиной воды скрыты гигантские сокровища, и сейчас я говорю не только о старых сундуках с золотыми монетами, которыми щедро украсили дно наши предки. Нет! Я говорю о подводных богатствах, до которых нам так трудно добраться... Было трудно добраться, пока наука не сделала грандиозный шаг вперед. Теперь у нас есть maNika, нейрочип, для которого не существует невозможного. У нас есть пинги. У нас есть удивительные микрогеры... И среди нас есть несчастные люди, у которых не осталось надежды.

Изображение вернулось на борт подводной лодки, только теперь Биби стоял на палубе, с наслаждением подставляя лицо свежему ветру.

– Прежде, чем мы продолжим, я хочу рассказать историю Дика Бартона, простого парня, которому не повезло. Дик работал в металлургии и подписал прижизненный контракт с «Feller BioTech», согласившись передать нам тело

в случае гибели в результате несчастного случая. – Биби выдержал короткую паузу, вздохнул и продолжил: – Как я уже сказал, Дик Бартону не повезло: в его цеху произошел взрыв, Дик оказался в эпицентре и пострадал так сильно, что спасти его было невозможно. Дик умирал. Но на его счастье неподалеку располагался один из медицинских центров «Feller BioTech», и наши ребята успели прийти на помощь. Мы спасли Дика от неминуемой смерти, сделав его первым человеком Новой Эпохи! Встречайте, господа: Дик Бартон!

Камера развернулась, и зрители увидели стоящего рядом с рубкой пингера. Необычного. Невиданного. Пингера с головы до ног: выполненного из титариума полностью, от черепной коробки до пяток. Пингера, о возможном существовании которых до сих пор писали только авторы фантастических романов.

– Вы видите перед собой первого полностью искусственного человека, – проникновенно произнес Биби, подходя к своему произведению. – Сначала мы надеялись спасти хотя бы череп и позвоночник, но повреждения оказались настолько сильными, что от этой мысли пришлось отказаться, и Дик стал стопроцентным пингером, управляющим экзоскелетом, как своим собственным.

Бартон поднял руку и помахал в камеру, приветствуя ошарашенных зрителей. Трансляцию вел Бобби Челленджер, один из лучших медийных режиссеров современности, который точно знал, когда и что нужно сделать. Ни одного лиш-

него жеста, ни одного неправильного слова, каждый кадр скрупулезно просчитан и бьет точно в цель – в души жителей Земли. Без осечки.

– Мы воссоздали Дика Бартона в полном соответствии с его параметрами: рост, вес, пропорции – все они соблюдены настолько точно, что мозг не видит разницы. И лишь опуская глаза вниз, Дик понимает, что его тело стало иным... Дик?

– У меня такое чувство, будто я потерял сознание, а потом очнулся, – тут же отозвался Бартон. – Я ощущаю себя прежним.

– Во всем?

– Я – это я, Биби, – твердо ответил стопроцентный пингер, поднимая руку и сжимая кисть в кулак. Ему поставили отличные динамики, и Бартон мог менять интонацию. – Я воспринимаю себя собой. И главное – я жив!

– Я этому рад, Дик, – с прежней проникновенностью произнес Феллер.

– Поверьте, Биби, я этому рад намного сильнее, – металлическое лицо Бартона не умело передавать эмоции, однако зрители ловили каждое слово первого человека Новой Эпохи и догадывались, какие чувства он испытывает. Ведь многие зрители были пингерами, пусть и не стопроцентными, и знали, что значит оказаться на волосок от смерти. И удержаться. Вернуться к нормальной жизни, пусть даже не таким, как раньше.

– Дику Бартону не нужен воздух, точнее не нужен в тех

количествах, которые требуются обыкновенному человеку. Его скелет питается от микрогера, работающего на стандартных энергетических «гильзах». Питательная смесь для мозга поставляется из специального резервуара, размещенного в основании черепа. Собственно говоря, нам нужно защитить только голову...

Бартон, подчиняясь приказу режиссера, надел прозрачный шлем.

– И Дик сможет все!

Бартон прыгнул за борт, а камера взяла Феллера на крупный план.

– Мы пережили ужасную катастрофу, – произнес Биби, глядя каждому зрителю в глаза. – Но я считаю, что мир не просто изменился, а получил новый импульс для развития. Мы – люди, мы идем вперед несмотря ни на что. И даже пропустив удар, мы не признаем поражения, а вскакиваем и продолжаем сражаться. Потому что мы – люди, мы не проигрываем, а становимся сильнее. Некроз Помпео должен был нас убить, а на деле открыл человечеству Новую Эпоху, позволил достичь того, что раньше считалось невозможным... Дик, на какой глубине ты находишься?

– Пятьсот футов, – спокойно ответил Бартон. – Продолжить погружение?

– Думаю, для первой демонстрации вполне достаточно, – рассмеялся Феллер и распорядился: – Включите трансляцию.

Как будто это он, а не Челленджер, режиссировал выступление.

И через мгновение зрители увидели стоящего на подводной скале Бартона. Изображение слегка подрагивало, поскольку съемку вел подводный дрон, но невысокое качество добавляло картинке естественности.

– Дик, ты нас слышишь?

– Да, Биби!

– Как твои дела?

– Здесь намного интереснее, чем я ожидал.

– Испытываешь какой-нибудь дискомфорт?

– Никакого!

– Принесешь мне камешек на память?

– Сколько угодно, – Бартон выдержал паузу, после чего негромко продолжил: – Здесь очень тихо, Биби, вы не представляете, как здесь тихо.

И мир замер, глядя на человека, сумевшего достичь невиданной глубины.

Или на нечеловека.

– Я знаю, мы только что сделали грандиозный шаг вперед, – произнес Феллер, не возвращаясь в кадр. – Но даже я еще не осознал, как далеко мы шагнули. Новая Эпоха подарит человечеству могущество, о котором наши предки могли только мечтать. Главное – не останавливаться, не упустить возможность прыгнуть далеко вперед...

На экране продолжалось медийное «веселье»: эксперты обсуждали видео подводных приключений Дика Бартон и обнародованные характеристики, спорили об открывшихся перспективах, мечтали «пощупать» стопроцентного пингера и убедиться, что он существует. Без стеснения признавали, что не ожидали от «Feller BioTech» такого прорыва, во всяком случае – в этом десятилетии. Экспертам вторили дикторы экстренных выпусков новостей, журналисты, блогеры и обычные граждане.

Феллер не подкачал: его выступление снова стало событием, однако радости Биби оно не принесло. Во всяком случае, если судить по выражению его лица.

После передачи Феллер поблагодарил Челленджера и всю команду за великолепный эфир, выслушал положенные поздравления, заперся в своей каюте и набрал на коммуникаторе номер, который помнил наизусть.

– Привет!

– Привет, – легко отозвалась появившаяся на мониторе Лариса. Так легко, словно они расстались пару часов назад. – Думала, ты еще в море.

– Полным ходом идем в Санта-Круз.

– Кого рассчитываешь встретить в порту?

– Бобби Челленджер гарантирует радостную толпу с ша-

риками и транспарантами.

– Ты снова стал героем, Биби, поздравляю, – Лариса небрежно провела рукой по пышным светлым волосам. – Какие планы на вечер?

– Организую большой прием с участием важных шишек... – Феллер нервным жестом провел пальцами по столу. – Ты уже в Калифорнии?

– Нет.

– Когда прилетишь?

– Я не в настроении покидать Нью-Йорк, – Лариса широко зевнула, «забыв» прикрыть рот ладошкой. – И у меня уже есть планы на вечер.

Феллер вздрогнул, открыл было рот, явно собираясь бросить резкую фразу, но передумал и жалко улыбнулся:

– Прием начнется через семь часов, ты успеешь, а я... Я ведь говорил, что буду **ОЧЕНЬ** рад, если ты сумеешь выбраться.

– Давай не будем удивлять публику больше, чем ты уже ее удивил, – предложила Лариса. – Не хочу, чтобы американцы свихнулись от обилия неожиданностей.

И отключилась, не ожидая ответа мужа.

Биби несколько секунд просидел перед погасшим коммуникатором, затем очень тихо выругался, снял очки и принялся протирать их резкими, болезненными движениями.

CNN: «Фантастическая презентация “Feller BioTech” произвела эффект разорвавшейся бомбы и надолго останется новостью № 1 во всем мире...»

EURONews: «Невероятное достижение компании “Feller BioTech” заставляет задуматься о том, что будущего, каким мы его представляли, больше не существует. Человек поднялся над своим телом...»

The Washington Post: «Появление Дика Бартона не только стало сенсацией, но возвращает нас к вопросу: насколько пингеры – люди? Трудно примириться с мыслью, что обыкновенный человек способен без вреда для здоровья оказаться на глубине пятьсот футов и, как уверяют инженеры Биби Феллера, это не предел...»

Bloomberg: «Акции “Feller BioTech” стремительно взлетели, и в настоящий момент капитализация компании достигла рекордного значения, что позволило ей упрочить свое лидерство, оторвавшись от ближайшего преследователя на невероятных два триллиона...»

AP: «Интересно, что обо всем этом скажет Орк?»

Ciliophora Project: «Почетный президент Независимой академии нейробиологической проблематики, член-корреспондент РАН, руководитель корпорации Госбио и учредитель Фонда технологического прорыва заявил, что если из

бюджета будет выделено необходимое финансирование, его корпорация сумеет разработать перспективный план развития нейробиологической отрасли на период до 2100 года...»

** * **

– Когда я назвал орком успешного представителя среднего класса, то увидел в его глазах глубокую обиду. Он как будто сказал: «Как можно называть столь низким словом меня, образованного, хорошо зарабатывающего человека, чей красивый дом вызывает зависть у окружающих?» Вот что я прочитал в его глазах и подумал, что он по-своему прав, – Орк помолчал, давая возможность слушателям понять, о чем он собирается поговорить сегодня, и продолжил: – Когда я назвал орком владельца небольшой лавки со скромным доходом, он указал мне на мусорищиков, когда я обратился к ним, то услышал, что орками уместно называть бродяг и нищих, спившихся и сторчавшихся людей, которым больше не подняться по ступеням социальной пирамиды. По ступеням социальной пирамиды...

Раньше Орк не частил с выступлениями, выходил в сеть раз в неделю, не чаще, и «внеурочное» появление вызывало обоснованный интерес. И предчувствие: еще не ясное, но не отпускающее предчувствие чего-то очень важного, чего-то такого, что затронет абсолютно каждого.

– Вы влюблены в пирамиду, орки, строите ее, даже когда можно обойтись, и тщательно высчитываете свое положение. Высокомерно поглядываете вниз и с возжелением – наверх. А верх для вас – это начальник или владелец предприятия, на котором вы трудитесь, обладатели более дорогих машин и просторных домов. Вы так увлечены изучением их благ, которые, возможно, когда-то станут вашими, что пропустили момент, когда гигантская пирамида социального устройства съезжилась до трех ступеней. И если на вторую некоторые из вас еще могут запрыгнуть, то третья никому не по зубам, орки, а точнее – не по клыкам, потому что вершина пирамиды занята владельцами планеты... – Орк выдержал короткую паузу и весело поинтересовался: – А вы думали, Земля ничья?

И миллионы слушателей мысленно ответили: «Нет, мы так не думали», но многие из них впервые осознали эту простую максиму.

– Все на свете кому-то принадлежит, орки, но не удивляйтесь – именно эта аксиома является основой существующего миропорядка. Все вокруг кому-то принадлежит: земля, вода, машины, дома – все, что вас окружает, имеет хозяина. Пирамида капитализма выстроена на самом крепком и самом блестящем материале – на золоте. Оно ваш ценз, орки, оно ваш лифт на следующую ступеньку. А теперь напрягитесь и подумайте: сумеете ли вы в течение одной человеческой жизни превзойти тех, кто получил наследство от

десятков поколений трудолюбивых родственников? От тех, кто накапливал богатства столетиями: акр за акром, дом за домом, акцию за акцией. Постепенно, шаг за шагом, они овладевали целыми отраслями, с легкостью обходя анти-монопольные законы, взяли под контроль экономику, а значит – весь мир. Я называю таких людей стратегическими инвесторами. А вы... Вы можете в них не верить – им это только на руку. Вы продолжайте любить фильмы, в которых наследники грандиозных состояний выставлены конечными идиотами и показано вырождение богатых семейств. Эти фильмы снимают потому, что вы их любите, орки, снимают на деньги умных наследников грандиозных состояний. Только не думайте, что они сами смотрят эти фильмы – у них банально нет времени на примитивные развлечения. И не думайте, что им интересны ваши проблемы: вы для них не родственники, даже дальние, а самовоспроизводящийся механизм генерирования прибыли. На вашем месте, орки мои, могли быть говорящие обезьяны, разумные мокрицы и даже слизь – как только она сможет управляться с кредитной карточкой, ее тут же впишут в систему и заставят платить. Их впишут в систему так же, как вписали вас, и они будут вместе с вами прыгать между двумя ступеньками: вверх – если повезет, остаться на месте – если что-то не сложилось. Но вы прыгаете, боретесь за право получить чуть больше, чем ничего, и улечься в могилу в лакированном гробу... А теперь скажите, орки: после

нескольких десятилетий упорного труда, ежедневной вечерней бухгалтерии, беспокойства о выплате кредита, о каждом пункте в налоговой декларации – чтобы не оказаться в тюрьме, – о повышении цен, о необходимости откладывать на старость, а ради этого – экономить на отоплении и горячей воде... После всех этих десятилетий вам не будет похрену, в каком гробу вас закопают? Ведь ваша жизнь случилась до этого события. И даже если вы всю ее пробездельничали, наслаждаясь оставленными родителями крохами, это вовсе не означает, что вы прожили отведенное вам время счастливо, скорее вы впустили его потратили.

Это было очень жесткое, неожиданно жесткое выступление, которое повергло слушателей в шок. Если раньше Орк размышлял, то теперь стал безжалостен. Если раньше его слова можно было считать гипотетическими, теперь он бил наотмашь.

– Вы всегда внизу, орки, в подземелье шахты или горячем цеху металлургического завода, на рыболовном траулере или строительстве дорог. Даже от мирового наркотрафика вы получаете жалкие крохи, оставляя основную прибыль обитателям вершины. Потому что они, орки, инвестируют и в распространение веществ... Или вы думали, что прикончить наркотрафик невозможно? Возможно все, орки мои, возможно все, но проблема в том, что у всего, что вы видите вокруг, есть собственники. В том числе – у наркотрафика. И эти собственники – земли, воды, индустрии, –

они вас обирают, обедают, травят алкоголем и наркотиками, заставляют тратить деньги на ненужные товары и даже убивают. Так скажите, как мне вас называть? Эльфами?

Из выступлений Бенджамина «Орка» Орсона

*** * ***

Особняк «Аврора»

Лонг-Айленд

США

Девушка была красива.

Юна, свежа, но в первую очередь – красива: огромные зеленые глаза, в которых ярко горели лукавые огоньки, пушистые ресницы, густые светлые волосы до лопаток, слегка вьющиеся, чарующие, небольшой лоб, маленький носик и пухлые, четко вырезанные губы. И великолепная фигура: стройная и женственная, в меру округлая, но без лишних граммов, необычайно привлекательная фигура двадцатилетнего, ярко распустившегося цветка.

И еще девушка была необычайно искусна в умении угодить мужчине и довела седовласого любовника до иступления. Они расположились у бассейна и чуть больше часа наслаждались обществом друг друга. И они не стеснялись – слуги знали, чем грозит попытка подсмотреть за хозяином, и держались вдалеке. Старик демонстрировал поразительную

для его возраста выносливость и пыл, брал девушку жадно, словно освободившийся после десятилетнего срока уголовного, рыча от наслаждения и похоти. На лежаке, в бассейне, на бортике бассейна, в шезлонге и вновь на лежаке, демонстрируя незаурядную фантазию и высокий уровень современных медицинских препаратов. Иногда ему не хватало мощи, но он старался, а в финале закричал, не смог сдержаться: издал довольный вопль и блаженно растянулся на ложе, глядя в прозрачное синее небо.

Его любовница некоторое время лежала молча, продолжая гладить старика, затем улыбнулась и спросила:

– Тебе было хорошо?

Девушка была красива... но с изъязном. Ее чудесное лицо могло свести с ума, но было не ее лицом. Ее прекрасная фигура заставляла трепетать не только сердца, но была не ее фигурой. Над превращением девушки в идеальное создание полгода работали лучшие пластические хирурги Америки, и они с лихвой отработали каждый пенни своих гигантских гонораров. Девушка была красива, следы хирургического вторжения были идеально скрыты, и ни один, даже самый опытный глаз не смог бы определить подделку.

Но то была не ее красота.

И старик об этом знал.

– Тебе было хорошо?

В его глазах мелькнула боль.

Он медленно поднялся, накинул халат и молча направил-

ся в сторону дома. Девушка выждала, когда он достаточно отдалится от бассейна, вылила в бокал остатки шампанского, устроилась в подушках и стала смотреть на океан.

Она знала, что через два-три дня любовник обязательно вернется.

И ей было плевать, остался он доволен или нет.

Когда-то давно Лонг-Айленд был всего лишь длинным островом, удачно расположенным неподалеку от города, борющегося за лидерство с другими портами Восточного побережья. И победившего в той борьбе. Когда-то давно Нью-Йорк стал самым грандиозным и самым известным мегаполисом планеты, Большим Яблоком, притягивающим к себе и деньги, и славу; а Лонг-Айленд превратился в излюбленное место отдыха его жителей. Иметь свой дом на острове стало престижным, иметь особняк – показателем высокого статуса, и постепенно длинный остров стал территорией миллионеров и миллиардеров, представителей богатейших американских кланов, чьи роскошные поместья говорили и о состоянии, и о родословной. Некоторые из знаменитых домов появились на острове сто и больше лет назад и оставались такими же, как при постройке, подвергаясь лишь необходимому ремонту, а некоторые фамильные гнезда возникли недавно: были возведены на месте снесенных особняков или на

новых участках. Таким был особняк «Аврора»: старый Сол удачно приобрел примыкающую к грандиозному поместью землю и воздвиг особняк в угловатом современном стиле, из стекла и бетона, поскольку терпеть не мог старинные формы, а снести роскошный дом начала XIX века рука не поднималась.

– Я его сыну отдал, внукам там раздолье по лужайкам бегать, а сам сюда переселился, – рассказал он заехавшему в гости Розену. – На светские мероприятия туда еду, глава семьи и все такое, но живу здесь, в тишине и покое. Старому человеку много не надо.

Особняк действительно отличался небольшими размерами: всего пять спален, четыре гостинные, терраса, оранжерея, и еще семь или восемь специализированных комнат, включая бильярдную, библиотеку и оружейную. Дом для прислуги и гараж располагались у ворот. Вертолетная площадка, собственный пляж и подогреваемый бассейн олимпийского размера. В общем, ничего лишнего. Можно сказать – спартанская обстановка. Даже конюшней приходилось пользоваться старой.

– У тебя хорошо, дядя Сол, – одобрил Розен. – Тихо.

– Я знал, что ты оценишь, сынок.

– Да, я люблю тишину.

Розен, а точнее – Кастор Лукас Фредерик Розен III, президент корпорации «Clisanto», был одним из немногих стратегических инвесторов, чья семья не владела поместьем на

Лонг-Айленде. Штаб-квартира его клана располагалась в Калифорнии, на Восточное побережье Розены наезжали изредка и ограничились пентхаусом в Нью-Йорке. В особняках коллег по нелегкому бремени управления планетарной экономикой Кастор, конечно же, бывал, и не раз, а вот «Аврору» посетил впервые.

– Мне нравится твой дом, дядя Сол. Он в моем вкусе.

– Ребята с Западного побережья всегда ценили новые решения.

– Классика не устаревает, но ты прав: я предпочитаю современный стиль.

– Об этом я и хотел поговорить.

– Об архитектуре? – вежливо улыбнулся Кастор.

Старик склонил голову, показав, что оценил шутку, но не улыбнулся.

Они сидели в креслах на краю открытой террасы, любовались спокойным морем, потягивали любимый стариком «бурбон» и со стороны казались отцом и сыном, собравшимися расслабиться после трудного дня. Но так только казалось, поскольку, несмотря на возраст, Кастор был главой клана Розенов, а значит – равным старику по положению в сообществе стратегических инвесторов.

Но внешне их действительно можно было принять за родственников: оба кудрявые, только Розен еще черен, а дядя Сол абсолютно сед, оба достаточно высоки и массивны, но не мышцами, а лишними килограммами. У обоих большие но-

сы и большие, слегка навывкате глаза. Дед Кастора был женат на тете Сола, и сходство можно было объяснить этим фактом.

– Полагаю, ты уже догадался, для чего я пригласил тебя в гости?

– В прошлом между нашими семьями случались недоразумения, так что, думаю, нам нужно поговорить, чтобы окончательно внести ясность в отношения...

– Сынок, ясность в отношения внесли наши прапрапрадеды, – поморщился дядя Сол. – Недоразумения и даже вражда – это естественная часть жизни, но как бы сильно мы друг другу ни не нравились: я – Феллеру, ты – Арчеру, и далее по списку, нам друг от друга никуда не деться. Мы все равно будем рядом, и мои внуки будут общаться с твоими детьми.

– Прекрасные слова, дядя Сол, – Кастор отсалютовал старику стаканом. – Но я чувствую в твоём голосе грусть.

– Я ощущаю угрозу нашим отношениям.

– Нашим с тобой?

– Отношениям внутри сообщества.

– Не ожидал от тебя, – широко улыбнулся Розен, но то была деловая улыбка, в которой ни грана тепла. – Сообщество стратегических инвесторов формировалось столетиями, мы контролируем экономику планеты, а значит, контролируем планету, со всеми её религиями, армиями, мечтами и творческими потугами.

– И я хочу, чтобы так оставалось.

– Но ты видишь нечто, угрожающее стабильности сообщества?

– Да, – очень серьезно ответил старик.

– Что же способно нас поколебать?

– Биби.

– Дядя Сол! – всплеснул руками Розен. – Чем тебе не угодил Биби? Ты не хуже меня знаешь, что он полностью увлечен текущим проектом и не может думать ни о чем другом. Даже у Арчера амбиций больше...

– Я знаю, что Арчер лелеет мечту возглавить наше скромное сообщество, – не стал отнекиваться дядя Сол.

– Вот видишь!

– Но есть нюанс: Арчер об этом мечтает...

– А что сделал Биби?

Старик выдержал паузу, показывая, что ему не нравится быть перебитым, пусть даже и равным по положению, после чего понизил голос:

– Кастор, обещай мне одну вещь: постарайся на пару минут позабыть о том, что Биби твой друг.

– Ну как друг... – протянул Розен, наконец-то сообразивший, что старик настроен решительно. – Настоящая дружба между нами невозможна.

– Жаль, что ты это понимаешь, – мужчины рассмеялись. – Постарайся позабыть, что вы с Биби провернули грандиозный проект и ты безмерно его уважаешь.

– Я постараюсь, – пообещал Кастор.

– И вспомни, что проект не закончен, а продолжает развиваться.

– Я тоже видел презентацию, – с легкой иронией произнес Розен.

– И что скажешь?

– Повторю то, что уже говорил: Биби придумал один из лучших бизнес-проектов в истории. Я внес посильный вклад и горжусь этим, но основным двигателем был и остается Биби.

– Вы, парни, изменили чертов мир.

– Спасибо, дядя Сол, я знаю.

– Вот этим вы с Биби отличаетесь от Арчера: у него есть амбиции, а вы работаете.

– Но я до сих пор не понимаю, что тебя беспокоит, дядя Сол, – признался Розен, отставляя стакан с «бурбоном» и скрещивая руки на груди. – Мы запустили глобальный проект с полного согласия и при полном содействии всех стратегических инвесторов. Мы изменили мир и окончательно его оседлали. За все это время ни я, ни Биби ни разу не отступили от договоренностей, и я не понимаю, откуда у тебя взялись сомнения на его счет.

– Не сомнения...

– А что?

– Вы накинули на мир удавку, но не затянули ее.

– В смысле?

Старик помолчал, давая понять, что приступает к главной

части разговора, глотнул виски и неспешно продолжил:

– В нашем проекте меня смущают две вещи. Первая: мне категорически не понравилось, что Биби вышел из тени и теперь известен всему миру как владелец и вдохновитель самой передовой корпорации, созданной, как он любит подчеркнуть, «с нуля».

– Людям нравятся такие истории, – развел руками Розен. – Я, как ты помнишь, тоже возглавляю крупную компанию. Это меня бодрит гораздо больше, чем управление одним лишь семейным фондом.

– Извини, Кастор, но ты не столь известен, как Биби.

– Я вообще неизвестен.

– Именно, – старик чуть подался вперед. – Тебе нравится держать руку на пульсе своего главного детища, а Биби не только вышел из тени, но придумал кучу историй и легенд, которые, как ты правильно заметил, нравятся людям.

– У него отличные пиарщики, – пробормотал Розен, догадываясь, куда клонит хитрый старик.

– И теперь Биби – герой планетарного масштаба, движет цивилизацию вперед, открывает людям путь к сокровищам океана...

– Разве это плохо?

– ...и плотно работает в Европе.

– Европа – наш полигон, где еще отрабатывать технологии?

– А военные разработки «Feller BioTech»? – прищурился

старик.

– Они все под плотным контролем.

– Полностью?

– Как и мои военные разработки, и твои, и всех остальных стратегических инвесторов, – уверенно ответил Розен. – Существуют договоренности, которые никто не отменял... У тебя есть доказательства, что Биби их нарушил?

– Нет, – признал дядя Сол.

– Значит, все дело в твоей паранойе?

Несколько мгновений старик смотрел Розену в глаза, затем улыбнулся и долил в стаканы виски.

– Многие наши друзья отвечали мне точно такими словами – о паранойе. Я не спорю и не скрываю, что люблю подстраховаться, и признаю, что у меня нет доказательств неправомερных действий Биби – только смутные опасения. Но факт в том, что мое отношение к Феллеру начинает разделять все больше и больше членов сообщества.

– Ты их настраиваешь против Биби, – тихо произнес Розен.

– Как тебя сейчас, – мягко ответил дядя Сол. – Наши семьи никогда не любили друг друга, но сейчас он действительно зарвался.

– Потому что стал героем планеты?

– В том числе поэтому. Биби стал слишком известен, авторитетен – и потому опасен. Он не способен обрушить сообщество, но может причинить неприемлемый вред, поэто-

му нужно остановить Биби прежде, чем гордыня превратит его в закусившего удила идиота.

– Что ты предлагаешь? – криво усмехнулся Розен. – Убить его? Заразить раком?

– Мысль интересная, но стервец является последним представителем рода Феллеров, а значит, будет жить, это не обсуждается.

Войти в сообщество стратегических инвесторов было трудно, на получение входного билета требовались столетия, зато выйти из него было не менее тяжело. И все члены соблюдали старые правила, одно из которых не позволяло истреблять кланы под корень, поскольку жестокость – оружие обоюдоострое, и стоит лишь один раз довести войну до полного уничтожения противника, как кровь польется рекой.

– Тогда чего ты хочешь?

– Я хочу убрать Биби из медиапространства и забрать «Feller BioTech» под прямое управление сообщества. Поставим во главе эффективного менеджера, то есть послушную обезьянку, а Биби пусть занимается фондом и родит, в конце концов, наследника.

– От Ларисы? – невинно поинтересовался Розен.

Старик сбился, помолчал и ответил:

– Слышал, у них испортились отношения.

– Это еще слабо сказано, – подтвердил Кастор. – Мне рассказывали, что в последнее время Лариса...

– Пожалуйста, избавь меня от грязных сплетен, – хмуро

попросил дядя Сол, сумевший взять себя в руки и мысленно пообещавший при случае расплатиться с мерзавцем Розеном за проявленную дерзость. – Я имел в виду, что Биби может заниматься чем угодно, но «Feller BioTech» у него необходимо забрать и как следует затянуть удавку, которую вы накинули на планету.

– Грeziшь мировым господством? – попытался съехидничать Розен, но старик не принял шутки:

– Мы уже обладаем мировым господством, сынок – через экономику, я же собираюсь закрепить его и сделать незыблемым.

– Мы владеем экономикой, – холодно отчеканил Кастор. – Это никогда не изменится.

– Вы изменили мир, сынок, – парировал старик. – Люди постепенно превращаются в пингеров, мы радостно подсчитываем прибыль, а вот Биби, судя по всему, лучше всех понимает открывшиеся перспективы и с самого начала разобрался, куда катится мир.

– Что он понимает? – насторожился Розен.

– Что рано или поздно пингеры осознают себя самостоятельной силой.

– Тогда мы их прижмем.

– Пойдешь с ними воевать?

– Отправим... – Розен осекся.

– Ну наконец-то, – улыбнулся дядя Сол. И одним глотком допил остававшийся в стакане «бурбон». Выплюнул кусочек

льда, выругался и продолжил: – В армии и GS полным-полно пингеров, и с каждым днем их становится больше. Они ведь сильнее и быстрее обычных парней. А то, что они другие, никого не интересует. Никто не хочет признавать, что пингеры – это порождение технологий, и рассматривать их как полноценных людей нелепо. И еще никого не интересует тот факт, что рано или поздно пингеры станут реальной угрозой... – старик повертел в руке стакан. – Я не собираюсь поджигать мир, Кастор, не желаю гражданской войны, я всего лишь предлагаю принять превентивные меры, которые закрепят положение пингеров и гарантируют нам безопасность.

– И все равно...

Однако дядя Сол не позволил себя перебить.

– Мы изменили мир, нужно быть логичными и завершить изменения, ибо таково требование истории: не останавливаться.

И лишь теперь взялся за бутылку, показывая, что закончил.

Кастор подождал, пока хозяин дома вновь наполнит стаканы, отсалютовал ему, пригубил виски – потратив все это время на обдумывание услышанного, – а затем негромко произнес:

– Твоя идея имеет право на существование, дядя Сол, но давай поговорим о том, что твое предложение принесет моему семейному фонду.

И улыбнулся.

Все в мире имеет цену. Розен не видел особой необходимости в предложении старика порвать Биби и придавить пингеров, но не видел в нем и ничего плохого. В конце концов, пингеры и в самом деле всего лишь говорящие пылесосы, которые однажды окажутся под плотным контролем. Так почему не сейчас?

– Чего ты хочешь за свой голос? – перешел на деловой тон старик.

– Ты ведь не просто выкинешь Биби из «Feller BioTech»? Ты уменьшишь его долю. И я хочу свой кусок.

– Каждый хочет свой кусок.

– Бесплатно в нашем мире можно лишь смотреть на звезды, дядя Сол. Чтобы положить их в карман, нужны наличные.

– Я собираюсь отобрать у Биби двадцать процентов акций «Feller BioTech», тебе предлагаю полтора.

– Не меньше трех.

Дядя Сол вздохнул и улыбнулся: им предстоял долгий разговор...

* * *

«Bolivar Enterprise»

Манхэттен, Нью-Йорк

США

– Не ожидала, что ты устраиваешь художественные выставки, – произнесла Лариса Феллер, сделав маленький глоток шампанского.

– Почему? – искренне удивился Кот.

– Потому что... – Лариса остановилась напротив привлечшей ее внимание работы и очень медленно повторила: – Потому что...

И замолчала. Судя по всему, полотно ей приглянулось.

Это была темная картина «ChelseaHell» молодого, но подающего большие надежды Du129 – пингеры-художники любили вставлять в псевдонимы цифры, подчеркивая связь с современностью, и хвастались тем, что черпают вдохновение напрямую из сети. Du129 рассказывал, что рисует под действием разрешенных наркотиков и запрещенного «генератора оргазмов», открыв maNika в общий доступ и ловя эхо собственных воплей. И при взгляде на кричащее, черно-белое с краплениями красного, но в основном черное полотно в эти слова верилось без труда. Краски цифрового сюрреализма и впрямь раскрывали перед ценителями бездну: то ли ада, то ли царящего внутри художника безумия.

– Говорят, maNika способна преобразовать воображение в реальность, – негромко произнесла женщина. – Я не знаю, так ли это, но вижу, что сфотографировать воображение нейрочип позволяет.

Свита миссис Феллер – пять или шесть разнополых прихлебателей, – загалдела, громко восхищаясь глубоким умом

хозяйки, и Кот, поразмыслив, едва заметно кивнул:

– Пожалуй, соглашусь.

– А куда тебе деваться? – Лариса допила шампанское и бросила бокал кому-то из своих. – И тем не менее я удивлена.

«Bolivar Enterprise» был известен живыми концертами, на которые соглашались даже самые известные исполнители и группы, славился танцами до упаду и хорошей кухней, но впервые заявил о себе как о галерее.

– Меня долго уговаривали устроить вернисаж, вот и решил попробовать.

– Но мы ведь в клубе, не так ли? – ехидно уточнила Лариса.

– Разве посетители клубов чужды прекрасному?

– Сюда приходят за другим.

– Сюда приходят за разным.

– Ты со мной споришь? – изумилась миссис Феллер.

Свита напряглась, готовясь с лаем обрушиться на дерзкого Кота, но тот поспешил свести разговор к невинной шутке и склонился в элегантном полупоклоне:

– Спорю, миссис Феллер, и делаю это публично.

Возникла коротенькая пауза, после которой Лариса легко рассмеялась, показав, что больше не сердится.

Богатые светские львицы не отказывали себе в удовольствии обзавестись свитой, размер которой определялся размерами их кошелька и комплексов: кому-то хватало и троих, кто-то появлялся на вечеринках в окружении десятка спут-

ников. Богатые светские львицы обожали блистать, выстав-
лять себя королевами, но далеко не все тянули даже на ба-
ронессу: кому-то не хватало уверенности, настоящей, не по-
казной, кому-то – шарма и харизмы, кому-то следовало об-
ратиться к пластическому хирургу более высокой квалифи-
кации. Что же касается Ларисы, то она производила впечат-
ление без всякой свиты. Достаточно высокая, но не рослая,
она могла похвастать прекрасной женственной фигурой, ко-
торую не видела смысла прятать, и окружающие – не только
свита и фавориты! – с искренним вожделением рассматри-
вали большую натуральную грудь, едва прикрытую тонкой
тканью платья, длинную шею, тонкую талию и великолепной
формы ноги. Ей было всего двадцать девять, и Лариса зна-
ла, что будет привлекать внимание еще очень долго. Светлые
волосы, которые миссис Феллер ни разу в жизни не красила,
были густыми и блестящими, с ними идеально гармониро-
вали пышные ресницы и огромные зеленые глаза, в которых
почти всегда пылал яркий, очень живой огонек. Завершали
картину маленький носик и полные, резко очерченные губы.

Лариса прожигала жизнь, но отнюдь не в тоске.

– Я много раз слышала эти сочетания: музыка пингеров,
искусство пингеров, но до сих пор не могу понять их, – про-
должила она, приняв от рыжего крепыша из свиты бокал с
шампанским.

– Почему? – поднял брови Кот.

– Потому что пингеры – такие же люди, как остальные, –

миссис Феллер пригубила вино. – Разве не так?

– Вопрос заключается в том, кем они себя ощущают, – подумав, ответил Кот.

– Твое мнение?

– Я воспринимаю авторов выставленных работ как членов одной художественной школы.

– Они разные, – обронила женщина, обращаясь к работе Честера Ги, творящего в стиле «пингер-куб».

– Их объединяет взгляд на мир, который можно передать разными способами.

Несколько мгновений Лариса обдумывала слова, после чего улыбнулась:

– Не ожидала, что смогу поговорить с тобой об искусстве.

– У меня много талантов, – сдержанно ответил Кот.

– Но ты ушел от ответа на главный вопрос: считаешь ли ты пингеров людьми?

– Безусловно.

– Еще бы он не считал, – хмыкнул рыжий крепыш, намекая на то, что Лариса – пингер, ее прекрасные, идеальной формы ноги были искусственными. Об этом знали все, и ответить иначе Кот попросту не мог.

Миссис Феллер вопросительно подняла брови. Кот понял, что следует подать голос, и не растерялся:

– Не думал, что оно говорящее, – светским тоном произнес он, не глядя на крепыша.

Рыжий вспыхнул. Лариса тонко улыбнулась и положила

руку ему на плечо, не позволяя броситься на владельца клуба: разница в размерах не оставляла крепышу даже минимальных шансов на успех.

– Гарри, успокойся, – миссис Феллер дала фавориту понять, что его мнение никому не интересно, и продолжила разговор с Котом:

– Что делать с теми, кто чувствует себя другим?

И услышала твердый ответ:

– Объяснять, что можно быть или человеком, или вещью – другого не дано.

– Ты говоришь, как Орк.

– Нет, я повторяю его слова.

– Есть разница?

– Я бы до такого не додумался.

– Нет нужды заниматься самоуничижением – тебе не идет.

Кот ответил улыбкой.

– Что же касается твоего вернисажа...

Свита замерла в ожидании оценки главного события вечера. Лариса не просто прожигала жизнь, она считалась одной из королев нью-йоркского света, и ее слово могло повлиять на судьбу клуба.

– Ты молодец, – произнесла женщина, глядя Коту в глаза. – И ты молодец, и то, что ты делаешь, – правильно. Я возьму эту работу.

И кивком указала на «ChelseaHell».

– Джа, милый, почему тебя давно не было видно?

– Проветривал микросхемы, солнышко.

– С кем?

– Ты ее не знаешь.

– Она хорошо о тебе заботилась?

– Узнал несколько забавных трюков и полностью готов к

новым подвигам, солнышко.

– Многообещающее заявление, – женщина облизнула губы.

– Хочешь поймать меня на слове?

– Почему нет?

– Не сегодня, солнышко, не сегодня.

Красавица Энджи, большеглазая обладательница солидного бюста и ярко-оранжевых волос – сегодня ярко-оранжевых, в прошлую встречу грива была кислотно-зеленой, – подошла к Винчи, едва он остановился у барной стойки. Судя по всему, Энджи еще не отыскала спутника и была не прочь продолжить знакомство с Джа, от встречи с которым у девушки остались самые приятные воспоминания. И потому четкий, однозначно отрицательный ответ заставил Энджи надуть губки:

– С кем ты уже договорился?

– С ней, – Винчи кивнул на спускающуюся по лестнице

Ларису.

И вызвал у собеседницы шок: несколько мгновений Энджи изумленно таращилась на знаменитую светскую львицу, после чего сглотнула и подняла брови:

– Ты серьезно?

– Ага, – беззаботно подтвердил Винчи.

– Хорошо подумал?

– А в чем дело?

Энджи кивнула на процессию:

– Видишь рыжего англичанина справа от Ларисы? Это Гарри, ее нынешний фаворит, то ли граф какой-то, то ли маркиз, в общем, не мужлан с улицы.

– И что?

– Хочешь с ним соревноваться?

Вопрос вызвал у Джа понятное удивление:

– Энджи, солнышко, ты все неправильно поняла, – мягко произнес он, нежно проводя кончиками пальцев по щеке девушки. – Я не планирую ни с кем соревноваться, я собираюсь покувыркаться с Ларисой. Ну, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Понимаю, – кивнула Энджи.

– Вот и хорошо.

– Это будет что-то вроде «русских горок» с ядерным взрывом на финише.

– Знаешь по опыту?

– Я с ней спала.

– И как? – с интересом осведомился Джа, внимательно наблюдая за тем, как компания располагается за столиком.

– Уже ответила.

– Отличная рекомендация!

– Не все так просто, милый, – Энджи еще не отказалась от мысли отговорить Винчи от безрассудной затеи и переключить внимание на себя. – Я знала парня, который отравился из-за того, что Лариса ему отказала в повторной встрече.

– Она так шибает в голову?

– Она сносит голову.

– А я-то думал обойтись наркотой! – рассмеялся Винчи, нежно погладив руку Энджи.

– Ты не употребляешь.

– Иногда мне становится до ужаса скучно.

– Врешь!

– Может, и вру, но сейчас мне пора, – Джа поцеловал девушку в щеку. – Еще увидимся.

– Обещаешь?

– Предполагаю.

И Винчи быстрым шагом направился к туалету, к дверям которого приближались Лариса и рыжий. Направился уверенной походкой человека, которому «тоже надо», одетый в прекрасно пошитый костюм, держа в руке стакан с виски, то есть производя впечатление обычного, несколько расслабленного гостя. В шаге от дверей он должен был или остановиться, чтобы пропустить Ларису со спутником, или... нет,

просто должен был остановиться, без всяких «или», и сделал вид, что останавливается, даже замер на мгновение, чем сбил с толку телохранителей – они среагировали на то, что Винчи прекратил движение, и успокоились, но уже через мгновение Джа сделал шаг и ловко вклинился между женщиной и рыжим. Как раз в тот момент, когда Гарри открыл дверь.

– Прошу, – произнес Винчи, пропуская женщину вперед и сунув ошарашенному фавориту стакан. – Подержи, малец.
– Что?

Англичанин замер, тупо разглядывая стакан, опомнившись телохранители дружно двинулись на помощь хозяйке, но Лариса мгновенно разобралась в ситуации, сделала им знак остановиться и с интересом посмотрела на мягко улыбающегося Джа:

– Дерзкий претендент?

– Вали отсюда! – опомнился англичанин, швырнув стакан на пол. Однако в драку лезть не торопился, смущенный и ловкостью, и спокойствием бородатого соперника.

– Не помешаю? – осведомился Винчи, не обращая внимания на истеричного аристократа.

– Мы собирались как следует потрахаться, – рассказала миссис Феллер. – Не люблю скучать в ожидании заказа.

Оставшаяся за столиком свита жадно наблюдала за происходящим, но не приближалась, поскольку не было разрешения.

– Потрахаться? – Джа неспешно и без всякого стеснения

оглядел женщину, и одобрительно кивнул: – Отличная идея.

– Хочешь присоединиться?

– Собираюсь возглавить.

– Сколько в тебе самоуверенности, – после очень коротенькой, едва заметной паузы произнесла Лариса.

– Мне надоела эта сцена! – рявкнул Гарри.

– Раз надоело – проваливай, – холодно предложил Винчи, он перестал ласкать красавицу взглядом и теперь не отрывал взгляд от ее зеленых глаз.

Англичанин окончательно сбился и посмотрел на телохранителей, но крепыши сохраняли олимпийское спокойствие, поскольку приказы им отдавала только Лариса, а к подобным происшествиям – битвам претендентов за благосклонность светской львицы – они давно привыкли.

– Хочешь стать третьим? – тонко улыбнулась женщина.

– Никаких «третьих», – твердо ответил Винчи. – Только ты и я.

– Настолько уверен в себе?

– Давай пропустим ту часть разговора, в которой ты задаешь глупые вопросы.

Смотреть на рыжего англичанина Лариса не стала, знала, что он может истолковать ее взгляд как знак поддержки и начать драку, а этого ей сейчас не хотелось.

– Пойдем, – произнесла женщина, кивнув на двери туалета. И вспыхнула, услышав вальяжный ответ:

– Я передумал.

– В смысле?!

– В смысле: не хочу трахаться в туалете, – Винчи мягко взял светскую львицу за плечо. Настолько мягко и естественно, что она не только не отстранилась, а даже чуть подалась к нему... Но тут же опомнилась, замерла и изогнула бровь:

– У тебя предубеждение?

– Не хочу в туалете, хочу долго, со вкусом, – Джа улыбнулся. – К тебе или ко мне?

Несколько секунд Лариса молча смотрела мужчине в глаза, после чего, не отрывая взгляд, сообщила телохранителям:

– Мальчики, мы едем домой.

– Лариса... – подал голос Гарри.

– Ты остаешься здесь.

– Но...

– Не благодари.

– За что? – растерялся англичанин.

– Я только что спасла тебя от полета из окна.

– От какого еще полета из окна?

Телохранители едва заметно улыбнулись. В отличие от незадачливого англичанина, они прекрасно поняли, что имела в виду хозяйка.

– И красива, и умна... – протянул Винчи. – Неужели мне пришло время влюбиться?

– Не торопись, – Лариса направилась к лифту.

– Зря разбил стакан, – бросил Джа рыжему. – Виски в нем был отличный, мог бы допить.

– Пересохло в горле?

– Еще как, – Лариса откашлялась, приподнялась на локте и огляделась. – Здесь должна быть вода.

– Почему не вино? – удивился Джа.

– Я люблю пить воду, – женщина выразительно посмотрела на любовника.

– Сейчас, – Винчи неспешно встал с кровати, потянулся, широко разведя руки и осведомился: – Где?

– Посмотри на столике.

– Ага, есть.

Джа наполнил хрустальный бокал водой из хрустального кувшина и принес женщине. Лариса сделала несколько больших глотков, вновь откинулась на подушки и, глядя любовнику в глаза, облизнула губы. Ее дыхание постепенно успокаивалось, но кожа еще была мокрой от пота. От двухчасовых «упражнений», которые они начали в лифте «Bolivar Enterprise».

Джа сказал телохранителям, что те «поедут следующим рейсом», Лариса кивком подтвердила его слова и не удивилась, когда Винчи надавил на кнопку «стоп» и жадным, грубоватым жестом задрал ей платье. Лариса расстегнула на нем брюки, почувствовала, что он подхватывает ее за бедра, и впиалась в его губы в тот самый миг, когда он сдвинул

ее трусики и уверенно вошел, прижав спиной к стенке лифта. Ответила страстно, решив дать потенциальному любовнику возможность показать себя. Технично отдалась, продолжая хладнокровно оценивать способности мужчины, но в какой-то момент... кажется, уже в спальне... или в гостиной? Наверное, в гостиной, когда она, голая, лежала поперек кресла и громко выла от наслаждения... Или еще в лимузине? Да, наверное, в лимузине, потому что Джа сказал, что в лифте получилось скомканно, и взял ее в лимузине, а все, что было после, она помнила смутно... Впрочем, не важно. Важно то, что в какой-то момент хладнокровие улетучилось и Лариса перестала контролировать себя. Трахалась, как в тумане, в памяти сохранилось лишь желание не уступить: она хотела продемонстрировать любовнику все, что умеет, и секс превратился в марафон. Изматывающий, но упоительный. Лимузин, гостиная, бассейн на крыше, душевая, снова бассейн и, наконец, спальня.

Простыни мокрые от пота, а значит, придется идти в душевую... или в бассейн?

Лариса вспомнила, что Винчи вытворял в воде, блаженно зажмурилась и, не сдержавшись, провела левой рукой по кровати, как кошка лапой. Не выпуская когти...

Если Джа и заметил ее жест, то не подал виду. Налив любовнице воды, он сделал пару больших глотков прямо из кувшина, вернул его на столик, вновь потянулся, прошелся по огромной спальне и остановился у панорамного окна.

– Неплохой вид.

Вид был на сто двадцать девять миллионов плюс налоги – именно столько стоил пентхаус миссис Феллер, однако мучить любовника бухгалтерией она не стала. Как и обсуждать приевшийся пейзаж. Лариса сделала еще глоток и громко сообщила:

– Классно, что у тебя настоящие причиндалы.

– Есть разница?

– Между настоящими и искусственными?

– Ага.

– Неужели ты не пробовал?

– Ни то ни другое, – равнодушно ответил Винчи, продолжая разглядывать ночной Нью-Йорк.

– Удивительно.

– Я даже градусник не позволяю себе в задницу запихивать.

– Если хочешь, я помогу тебе избавиться от излишнего консерватизма, – насмешливо предложила женщина. – У меня есть великолепная коллекция необходимых приспособлений.

– Нравится доминировать?

– Люблю открывать людям новые перспективы.

– Ты не первая, кто предлагает мне пройти курс неизведанного, но я, пожалуй, останусь при своих.

– Никто не узнает, – рассмеялась Лариса. – Клянусь, что никому не скажу.

– Дело не в этом, – ответил Джа, продолжая стоять спиной к лежащей на кровати женщине. – Хотя ты и удивлена тем, что в Нью-Йорке еще остались мужчины, ни разу не экспериментировавшие со своей задницей, тебе было приятно это услышать. Потому что ты – такая же консервативная, как я.

– У меня было множество любовниц.

– Но тебе нравятся мужчины, причем с настоящими причиндалами. И ты стараешься не иметь дела с обладателями пингер-пенисов, несмотря на их неумоимость.

– Они похожи на вибраторы, – помолчав, произнесла Лариса. Совсем другим тоном.

Потому что Джа ее задел.

– Не знаю, – вальяжно отозвался Винчи. – Не пробовал.

– Поверь на слово.

– Хорошо.

Он сбивал с толку.

Вот просто: сбивал с толку.

Все предыдущие любовники вились вокруг Ларисы, как мухи, нахваливали ее красоту, фигуру и сексуальное мастерство. Заочно соревновались в лести, понимая, как сильно им повезло оказаться в постели знаменитой светской львицы, и мечтая задержаться в ней подольше. А Джа вел себя как человек, который...

«Который очень хочет о чем-то поговорить, но не знает, как начать разговор!» – догадалась Лариса. И поняла, что не ошиблась. И еще поняла, что ей безумно нравится то, что

этот мужчина не хочет тратить их время на поток избитых комплиментов. А ищет чего-то другого. И Лариса сделала то, чего никак от себя не ожидала: поднялась с кровати, подошла и протянула Джа бокал:

– Хочешь воды?

Не ожидала, потому что никогда раньше ни мужу, ни бесчисленным любовникам она не предлагала ничего, кроме себя. Тем более – специально ради этого поднявшись. Тем более – из своего бокала.

– Спасибо, – Джа осторожно взял бокал и сделал большой глоток, глядя женщине в глаза. – Прекрасно.

– Ты сейчас о чем?

– О том, о чем ты подумала.

Лариса знала, что Джа все понял и оценил ее порыв, ей было приятно, однако сказала она другое:

– Да, секс получился хороший.

– Для первого раза – идеальный.

– И что ты сейчас хочешь?

– У тебя есть чай?

– Чай?

– Сушеное растение, которое заваривают в кипятке.

Несколько секунд Лариса изумленно смотрела на любовника, пытаясь понять, не издевается ли он над ней, поняла, что нет, и пожала плечами:

– В спальне не держу, но могу приказать, чтобы принесли.

– Не хочу никого видеть.

– Я тоже.

– В следующий раз пусть в твоей спальне будет чай.

«Ты уверен, что будет следующий раз?» Именно этот вопрос задала бы Лариса любому из своих любовников, она даже отчетливо представила тон, которым его произносит, «услышала» его... Но не произнесла.

А вместо этого сказала:

– На столике есть виски.

– Ты будешь?

– А как ты пьешь? – спросила женщина, изумляясь себе все больше и больше. И успокаивая себя тем, что играет в дурацкую игру, что это ролевое развлечение, в котором она – покладистая домохозяйка, например. Или служанка. Или дорогая проститутка...

– Неразбавленным.

– Я попробую.

Винчи взял ее за руку, подвел к столику, плеснул в стакан янтарного скотча на три пальца, одним глотком отпил половину и протянул стакан женщине. Лариса допила оставшееся, на мгновение замерла, задержав дыхание и закашлялась.

– Никогда раньше? – тихо спросил мужчина.

– Однажды, когда училась в университете, – призналась Лариса, одновременно чувствуя себя и неимоверно глупо, и удивительно хорошо. – Я крепко перебрала на вечеринке и с тех пор не пью ничего крепче вина и коктейлей.

– Запей водой.

– Ага.

Лариса поднесла ко рту бокал и вдруг поняла, что не думает ни о чем.

Ни о чем.

Раньше, какое бы сильное удовольствие она ни получила, она всегда оценивала любовника или любовницу, оценивала как партнера и как человека, а сейчас просто стояла рядом с мужчиной, едва касаясь его груди своими напрягшимися сосками, и все. Не хотела его оценивать. Хотела стоять рядом до тех пор, пока он не возьмет ее за руку и не вернет в постель.

– Ты куришь табак?

– Да.

– И пьешь только крепкое...

– Пью все, люблю крепкое.

– У тебя искусственные руки...

– Лучшие, какие можно получить за деньги.

– И ты носишь татуировку... – она провела рукой по груди Джа, на левой стороне которой, прямо над сердцем, был изображен простой черный крест. – Раз она одна, значит, очень важна.

– Сделал, чтобы случайно не забыть, кто я, – после короткой паузы ответил Винчи.

– Ты верующий?

– Относительно.

– Относительно чего?

– Относительно неверующих.

– Не хочешь об этом говорить?

– У нас масса тем для разговора.

– Да, масса... потому что мы ничего не знаем друг о друге, хотя... – взгляд Ларисы изменился. – Ты знаешь обо мне все.

И ей впервые за много лет стало неприятно от того, что о ней писали репортеры. Впервые за много-много лет безразличие дало трещину.

– Пока я не вижу никакого сходства между тобой и женщиной из скандальной хроники, – спокойно ответил Джа, поправляя Ларисе волосы. – Ничего общего.

– Может, ты еще не разобрался?

– Это видно сразу, – качнул головой Винчи.

– Неужели?

– Женщина из скандальной хроники не задержалась бы у полотна «ChelseaHell».

– Может, я увидела на нем себя?

– Будь так, ты бы сбежала... А ты стояла и смотрела. И думала. И чувствовала...

– Ты за мной следил?

– Увидел тебя у картины и все понял.

– Все-все?

– Я понял, почему ты стала такой.

Несколько секунд они молча смотрели друг другу в глаза: одна из самых богатых женщин планеты и ее случайный любовник. Несколько секунд казалось, что вот-вот будут про-

изнесены прекрасные, но совершенно невозможные сейчас слова... казалось...

Нет.

Не будут.

По лицу Ларисы пробежала тень, словно ее резанула несильная, но неприятная боль от старой раны, а затем она хрипло велела:

– Убирайся!

– Как скажешь, – покладисто согласился Винчи и направился в дальний угол спальни, где возле кресла была разбросана их одежда.

У Ларисы раздулись ноздри.

– Ты что делаешь?

– Одеваюсь, – не глядя на нее, ответил Джа. – Ты меня выгнала.

И присел в кресло, чтобы натянуть носки.

Ответ был настолько очевидным, что Лариса несколько секунд не находилась со своей репликой. Как-то ухитрилась сдержать гнев и медленно спросила:

– Ты всегда такой послушный?

– Я знал, что наша первая встреча закончится примерно так, – сообщил Винчи, надевая рубашку. Брюки и ботинки уже были на нем. – Тебе нужно побыть одной и все тщательно обдумать.

– Что?!

– Ну и остыть, конечно...

– Остыть?! Молись, чтобы я остыла! Потому что иначе я тебя...

– Закрой рот! – вдруг рывкнул Джа, и Лариса отступила к окну. – Закрой рот, пока не сказала то, о чем будешь жалеть.

– Что?

– Есть вещи, которые ты мне никогда не скажешь, – прорычал Джа, подойдя к женщине в расстегнутой рубашке. – И я тебе никогда их не скажу. – Едва заметная пауза. – Ты должна уже была это понять, а раз не поняла, то слушай: тщательно взвешивай каждое следующее слово.

– Что ты себе позволяешь, говнюк?! – прошипела женщина.

– Привожу тебя в чувство!

– Никто не смеет мне хамить!

– Никто и не собирался. Мы выясняем отношения.

– За кого ты себя принимаешь?

– У меня о себе мнение давно сложилось, вопрос в том, за кого ты меня принимаешь. За очередное развлечение?

– Немедленно извинись и останься!

– Может быть, мы еще увидимся.

– Может быть?! – женщина сжала кулачки. – Генри! Брэд!

Направлявшийся к дверям Джа остановился и удивленно посмотрел на разъяренную Ларису:

– Ты серьезно?

– Сейчас узнаешь, – пообещала она, хрустнув пальцами.

Винчи улыбнулся, почесал бороду, после чего бросил пи-

джак в кресло, наклонился и подал женщине халат:

– Накинь.

– Зачем?

– Не хочу, чтобы они видели тебя голой.

– Они видели меня разной.

– Больше не будут, – Джа повелительно поднял брови. – Надень!

Лариса нервно выдернула из его рук халат, надела и резким движением запахнулась, не понимая, какого черта она подчиняется, и понимая, что не может не подчиниться, потому что если Джа сказал, что больше никто не увидит ее голой, то он, пожалуй, может и убить тех, кто увидит. Лариса видела, что для Джа это важно, и запахнула халат. Но когда в спальню вошли здоровяки, распорядилась:

– Избейте его, разденьте догола и выбросьте на улицу.

И кивнула на любовника.

– Ничего себе у тебя фантазии, – оценил Джа.

– И сейчас ты их осуществишь, – пообещала Лариса, завязывая пояс.

– Может, в другой раз? – осведомился Винчи, на шаг отступая вглубь спальни. – У меня была великолепная ночь, и я не в настроении продолжать развлечения.

И с улыбкой посмотрел на здоровяков. Телохранители ответили равнодушными взглядами, напоминая невозмутимых, уверенных в себе волкодавов, знающих, что хлопоты возможны, но с волком они все равно сделают все, что захо-

тят.

– Чего вы медлите? – зло спросила женщина.

– Не шевелись, – Генри достал из кобуры пистолет. – Извини, не помню, как тебя зовут.

– Ты собираешься стрелять? – поднял брови Джа.

– Если придется – выстрелю в ногу, – уточнил телохранитель. – Будет больно, но не опасно для жизни.

– То есть сейчас я подниму руки, а твой приятель снимет с меня штаны?

– Сам снимешь... Ай!

Восклицание прозвучало на удивление по-детски, однако винить в этом Генри не следовало, он оказался не готов к тому, что вылетевший из пиджака Винчи микродрон, как следует разогнался и врезался в рукоятку пистолета. Не взорвался, потому что приказа взрываться не было, но удар получился ощутимым, телохранитель вскрикнул, пистолет вылетел из руки и в то же самое мгновение Джа оказался рядом с Брэдом, вырубил его безжалостным ударом в висок, прыгнул к Генри, который как раз наклонился за оружием, и врезал ему ногой, уложив рядом с товарищем. «Москит» немного покружил, не увидел других целей и вернулся в пиджак.

Операция заняла приблизительно пять секунд.

– Надеюсь, ты не думаешь, что поразил меня в самое сердце? – поинтересовалась Лариса.

– Ни в коем случае, – Винчи подошел к женщине и неж-

но, но очень крепко взял ее за руки. – Знаешь, я очень рад, что мы настолько небезразличны друг другу, что порой ведем себя излишне эмоционально. Это говорит о том, что наши отношения вышли на качественно новый уровень. Будь у меня психоаналитик, я бы обязательно поделился с ним этим наблюдением.

– Ты спятил? – слабым голосом спросила миссис Феллер. Джа выдержал коротенькую паузу, мягко произнес:

– Не нужно меня провожать.

Крепко поцеловал ошеломленную Ларису в губы и вышел из спальни, по дороге подхватив из кресла пиджак и аккуратно перешагнув через телохранителей.

* * *

Рокфеллер-центр
Манхэттен, Нью-Йорк
США

– Дик Бартон! Биби Феллер! Эти имена который день повторяет весь мир: Биби Феллер и Дик Бартон! Люди, открывшие человечеству Океан. О перспективах научных исследований и практических работ на глубине, связанных с появлением первого в истории стопроцентного пингера, мы хотим поговорить с известным ученым, знаменитым исследователем морских глубин...

Биби выключил коммуникатор и бросил его на диванную

подушку. И отвернулся к окну, как будто заскучал и не знает, чем себя занять. А может, и правда заскучал, поскольку славился деятельным нравом и с трудом терпел поездки и полеты, если не мог заняться в них делами.

Владелец «Feller BioTech» и самый известный человек планеты отличался невысоким ростом, однако низеньким не был, просто невысоким – сто семьдесят семь сантиметров. Худощавый, но не тощий, подтянутый и спортивный, поскольку проводил в зале не меньше часа в день, однако оценить его подготовку можно было лишь по косвенным признакам, например по тому, как ловко Биби двигался. Темные волосы и короткая темная бородка аккуратно подстрижены, нос прямой, маленький, темные глаза прячутся за очками в модной оправе. Что касается одежды, то в ней Феллер оказался консерватором: классический костюм, сорочка, туфли. И, естественно, галстук.

– Чарльз, как долго нам ехать?

– Четыре минуты, мистер Феллер, – отозвался шофер. – Демонстрантов нет, на улице замечен один капеллан, но он не помешает.

– Хорошо, – Биби прищурился на приближающуюся башню и повторил: – Хорошо...

И было абсолютно непонятно, что именно он имел в виду.

Рокфеллер-центр приглянулся стратегическим инвесторам еще до того, как началось строительство, на стадии проекта. И когда чертежи были воплощены в камне, знаменитая

башня стала неофициальной штаб-квартирой узкого круга людей, чьи семейные фонды контролировали целые отрасли экономики. Людей, которые оставались богатыми, невзирая ни на какие катаклизмы, которые эти катаклизмы вызывали. Людей, чьи интересы давно переросли банальное желание получать прибыль.

Рокфеллер-центр стал символом и любимой площадкой для встреч владельцев Земли.

– Рад видеть тех, кто явился лично, и приветствую скромняг, предпочитающих подглядывать за происходящим в замочную скважину, – рассмеялся дядя Сол, имея в виду тех коллег, которые не приняли приглашение прибыть в Нью-Йорк и предпочли наблюдать за совещанием по сети.

– Если я не хочу тебя видеть, это не значит, что мне не интересно, – сварливо ответил Андерсон из Сиэтла, который даже видеосвязь не запустил.

– Чему посвящена встреча? – осведомился из Лондона Арчер.

– Текущим делам и назревающим проблемам, – ответил дядя Сол. Он вел беседу на правах инициатора.

– Я надеялся, что мы вместе порадуемся моим достижениям, – поднял брови Биби. – Не каждый день цивилизация получает столь мощный импульс для развития.

И покосился на Розена. Тот кивнул, но промолчал.

– С этого и начнем, – усмехнулся старик. – Друзья, давайте поприветствуем нашего дорогого Биби, продолжающего

тянуть человечество в дебри фантастических романов!

Послышались вялые аплодисменты – большие люди редко устраивают друг другу овации, – и одобрительные возгласы.

– Твой Дик Бартон – звезда, – кивнул Арчер. – Отличная работа, Биби.

– Спасибо.

– Хочу присоединиться к поздравлениям: мне очень понравилось шоу, – произнес голос Андерсона.

– Я распорядился провести опросы и выяснил, что многие люди мечтают стать стопроцентными пингерами, – рассказал Хайнштейн, контролирующий изрядную часть мировых медиа. – Они действительно хотят стать железяками, представляете? У Дика Бартона появится куча последователей!

– Это нам на руку.

Стратегические инвесторы относились к пингерам высокомерно, с большим превосходством, чем к обыкновенным людям, и в желании полностью изменить себя видели дополнительное доказательство низости и вульгарности тех, кто пребывает у подножия социальной пирамиды.

– Биби, прими поздравления!

– Все развивается прекрасно.

– Но есть проблемы, – обронил дядя Сол.

– И большие проблемы, – поддакнул Джанлука Томази, четвертый мужчина, лично присутствующий в Рокфеллер-центре, сенатор от штата Нью-Йорк.

– Проблемы всегда есть, – вздохнул Арчер.

– Такова жизнь, – добавил Розен, делая глоток виски.

– Что за проблемы? – негромко спросил Биби. Он уже понял, что драться придется в одиночку, не рассчитывая даже на поддержку Кастора, однако продолжал демонстрировать спокойствие.

– Очень серьезные проблемы, сынок, – не стал скрывать старик. – Увы.

– Дядя Сол, ты меня пугаешь.

– Только не прикидывайся задрипанным ботаником, которого впервые в жизни тащат в кабинет директора школы.

Послышались сдержанные смешки.

– Хорошо, не буду, – шутливым тоном пообещал Биби. – Но может, ты объяснишь, что случилось?

И бросил быстрый взгляд на Розена. Но тот сделал вид, что так увлечен содержимым стакана, что не замечает ничего вокруг.

– Арнольд, прошу, – дядя Сол кивнул пятому и последнему мужчине, присутствующему в комнате, – директору всемирной GS, глобальной организации, в которую постепенно влились почти все специальные службы свободного мира. И несмотря на то что директор Митчелл считался – и являлся! – одним из самых могущественных людей планеты, в этой комнате он занимал положение наемного служащего. Очень важного, очень полезного, весьма умелого служащего. Не равного. И директор GS знал, что заменить его могут в любой момент.

Митчелл выдержал короткую паузу, убедился, что внимание участников встречи приковано к нему, и уверенным тоном произнес:

– Господа, десять минут назад я разослал вам аналитический доклад GS, исходные материалы для которого готов представить по первому требованию. Не уверен, что вы успели ознакомиться с докладом, но повторять его не буду, а сразу перейду к выводам. Меня попросили не затягивать презентацию.

Дядя Сол и несколько других инвесторов заулыбались, оценив шутку.

А вот Феллер остался бесстрастен, хотя раньше с радостью поддерживал подобные остроты.

– По оценкам моих специалистов, через два, максимум – три года ученые Китайской Народной Республики смогут запустить серийное производство нейрочипа, сходного по характеристикам с тем, что производит «Feller BioTech»...

– Всего через три года? – не удержался от восклицания Хайнштейн.

– Увы.

– Как это получилось? – растерялся один из близнецов Райвуш.

– У них тоже есть ученые, – Митчелл позволил себе чуточку сарказма.

– Мы потеряем монополию?

– Это ерунда, – махнул рукой дядя Сол.

– Ерунда? Мы говорим об очень больших деньгах.

– Райвуш, тебе мало денег? – изумился старик. – Правда?

Ты до сих пор видишь в наших решениях только деньги?

– Мир основан на деньгах, дядя Сол, – напомнил в ответ близнец почти поучительным тоном. – Золото – это стена между нами и орками. Если стена рухнет или пошатнется...

– Как она может пошатнуться? – притворно удивился старик. – Твоя жена в месяц тратит больше, чем все обитатели Варшавы, вместе взятые.

– Почему Варшавы, а не Тихуаны? – зачем-то поинтересовался Андерсон.

– А какая разница?

– В Варшаве уровень жизни выше.

– Сынок, не утомляй меня ненужными подробностями.

– Райвуш, почему ты назвал их орками? – вдруг спросил Арчер.

– Просто так... – пожал плечами до сих пор не опознанный по имени близнец. – С языка сорвалось.

– Слушаешь речи Орка?

– А ты нет? – окрысился Райвуш.

– Бывает, – признался Арчер.

Кто-то засмеялся.

– Все мы его слышали хотя бы раз, – громко сказал Андерсон.

– Мне, кстати, не понравилось, – не стал скрывать Хайнштейн. – Какая-то заумь.

– Друзья, мы говорим не о том, – дядя Сол попытался вернуть разговор в нужное русло, но не преуспел.

– А мне кажется – о том, – с напором произнес Арчер. – Орк постепенно становится реальной проблемой.

– Серьезно? – подал голос Розен. – Сетевой болтун для тебя проблема?

– Это в Америке он сетевой болтун, – резанул Арчер. – И мы его таким считали, пока Орк не установил свои порядки на Пиренеях и в Окситании.

– Нужно было лучше готовиться и не разваливать французскую армию, – язвительно заметил Райвуш.

Арчер и несколько его сторонников из числа инвесторов собирались распространить свое влияние на всю континентальную Европу, но Орк разрушил их планы, что очень понравилось соперникам английского инвестора. Так понравилось, что Арчер не сомневался в том, что Орк – их проект.

– Орк давно всем надоел, – поддержал Арчера второй Райвуш.

– Не всем, а только государствам, которых он лишил изрядной части пошлин, – уточнил Феллер.

– А нам он разве не подгадил? – удивился Райвуш.

– Как он мог нам подгадить? – притворно удивился в ответ Биби. – Он почти в два раза поднял оборот «гильз».

– Не понял.

– Откуда, по-твоему, Орк берет «гильзы»?

– Черт! – Райвуш покраснел.

Инвесторы негромко засмеялись.

– Орк нам полезен, но становится обузой, – проворчал Андерсон. – Он имеет массу слушателей, число которых постоянно растет, но говорит не совсем то, чего бы мы хотели.

– Так поймите его, – раздраженно предложил Феллер. Судя по всему, ему надоело обсуждение неуловимого Орка.

– Биби, сынок, давай ты не будешь рассказывать нам, что мы должны делать, – с обманчивой мягкостью попросил старик. – Раз мы говорим, что Орк – угроза, значит, так оно и есть. Но мы не нервничаем, а значит, уверены, что сможем с ним разобраться... В конце концов, Орк – ерунда...

– Смотрю, для тебя все ерунда, дядя Сол, – Феллер снял очки и принялся яростно их протирать. – Деньги – ерунда. Орк и его безумные фанатики – ерунда. Для чего мы вообще собрались, если у нас все в порядке?

– Сынок, мы собрались, чтобы поговорить о том, что выше денег, Орка и прочей ерунды. Я устроил встречу, чтобы поговорить о власти, – объяснил старик. – Это наш самый ценный ресурс, и право на него приходится доказывать постоянно.

– Наша власть – технологическое преимущество. Власть, которую дает maNika, – абсолютна. И при этом – незаметна. Нет смысла...

– Ты слышал выводы Арнольда и можешь сам их проверить, – оборвал Феллера дядя Сол. – Через три года китайцы лишат «Feller BioTech» монополии.

– Мы потеряем большие деньги, – добавил Райвуш.

– Но не это главное... – старик бросил на близнеца недовольный взгляд. – Мы говорим об абсолютной власти, друзья мои, о нашей величайшей ценности. Запустив производство собственных нейрочипов, китайцы обязательно сделают то, что я предлагаю устроить сейчас: установят жесткий контроль над каждым maNika.

– Предлагаю не торопиться и посмотреть, пойдут ли на это китайцы, – очень быстро произнес Феллер. – Зачем злить орков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.